

Военные
Приключения

ВРАГ НА РЕЙДЕ



Ю.ИВАНИЧЕНКО В.ДЕМЧЕНКО

Военные приключения

Юрий Ивановиченко

Враг на рейде

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 821.161.1311.3
ББК 84(2)

Иваниченко Ю. Я.

Враг на рейде / Ю. Я. Иваниченко — «ВЕЧЕ», 2015 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-3184-9

По сути, Великая война началась для одной из семей Ивановых после неожиданного вступления Турции в Первую мировую. Пришлось на деле противостоять коварному врагу и Вадиму – лейтенанту флота, старшему артиллерийскому офицеру эскадренного миноносца, и Кириллу – также лейтенанту, но Императорского военно-воздушного флота, и их дяде Алексею Ивановичу, статскому советнику, «имеющему свой кабинет на Дворцовой площади». А разве мог остаться в стороне от грозных и странных событий Иванов-младший – обучающийся в Отдельных гардемаринских классах Василий? Никак не мог, ведь и он проводил эту осень в городе русской славы Севастополе...

УДК 821.161.1311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4444-3184-9

© Иваниченко Ю. Я., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Интермедия «Война моторов». Война «внутреннего сгорания»...	7
Глава 1	19
Глава 2	29
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Иваниченко, Вячеслав Демченко

Враг на рейде

Плюс сто...

Прошло всего-навсего сто лет со времени больших, даже великих событий, которые потрясли мир так, что гул не утих до сих пор.

События эти перекорезили наш мир так, что громадные пласты земного бытия, в политическом, социальном, религиозном – точнее, духовном – планах, все еще сталкиваются, ворочаются и неизвестно когда и каким образом утихомирятся.

К чему в нашем сегодняшнем бытии ни прикоснешься, обязательно найдется отголосок тех давних, но, по сути, совсем недавних событий. И в какой уголок мира – ну, для большей достоверности скажем «цивилизованного мира» – ни загляни, обнаружатся и след, и память, и шрамы, оставленные событиями того времени.

Неудивительно, что все сказанное и написанное о той Первой и Великой войне, хотя оба эти определения охотно оспариваются уже довольно давно, высвечивает лишь часть общей картины, и нет пока что повода надеяться, что станет сие по-иному.

Не говорить и не вспоминать о ней нельзя.

Документы и свидетельства, старые фото и целлулоид архивной киноплёнки, исследования и расследования, а еще воспоминания, мемуары и художественные произведения, тысячи и тысячи страниц известных и неизвестных текстов...

Вот еще один.

На ширину охвата мы не претендуем.

Основное место действия, начинаясь в Санкт-Петербурге и заканчиваясь в Петрограде, сосредоточено в небольшой части небольшого моря, а прочий мир представлен морскими хрониками, небольшими обзорами, «картинками», изредка – портретами. Время основного действия – не более полугода, хотя никак нельзя избежать обращения к несколько более ранним событиям.

Более того, мы несколько спрессовываем эпизоды, разнесенные в исторической реальности на несколько дней или даже месяцев. Точно так же некоторые исторические персонажи чуть изменили свои имена или же слились воедино.

Зато реальные события и военные эпизоды мы не упрощали и не искажали, оставляя такими, как зафиксировано историческими документами нескольких стран, и только комментировали некоторые из них.

И решительно избегали напоминания о том, во что и сколь значительно все обернулось для каждой из сторон, чьи действия и упования сосредоточились в то время и в тех местах. Уж о чем еще, а об этом сказано ой как много и не только с «полярных» позиций, но с множества точек зрения.

Это далось нам непросто и удалось не в полной мере.

Плюс сто...

Вспоминать больно и в то же время чрезвычайно интересно.

Удивительно похожи на сегодняшние, но своеобразны, неповторимы мир и война на грани двух эпох.

И каждый раз приходят напоминания.

То попросту всплывая рогатыми минами в акватории, то поднимаясь со дна морского стараниями дайверов, как п/л «Скат», – ее обещают превратить в музей.

То вдруг осыпается под рукой непрочная штукатурка и обнажается, рельефно и зримо, осколок снаряда с все еще заметными клеймами.

То доносятся сквозь столетнюю толщу времени сказанные и написанные тогда слова, или высвечиваются лица...

Плюс сто. Лица, корабли и самолеты...

Интермедия «Война моторов». Война «внутреннего сгорания»...

... В Париже при благодушном попустительстве толстого жандарма толпа деятельно громила ресторан Арпенродт, искренне полагая месье Аппенродта германским шпионом. Даже престарелая мадам Жизель колотила тростью по изящному керосиновому фонарю под маркизой, приглашающей за столик летнего Diners, хоть не далее как сегодня утром пила тут кофе без тени патриотического смущения.

Более практичный оборванец гневно пинал за угол жестянку цейлонского чая, чтобы, выбравшись из толпы, тут же сунуть ее за пазуху.

Но, впрочем, за углом он, зачарованный, замер. Не слишком держа ногу в красных штанах фузилеров времен Крымской войны, по Итальянскому бульвару маршировали пехотинцы со старыми винтовками Лебеля или с новенькими карабинами Бертье на плечах и ранцами опойковой кожи той же древности, что и красные штаны. С середины XIX века поменялся только покрой шинели, подстегнутые полы которой не мешали маршировать вечно молодому и по-прежнему весело-воинственному духу галлов...

... Однако с центрального вокзала Мюнхена в сторону французской и бельгийской границ уже отправили все вагоны I – in классов, и теперь nach Paris шли дощатые скотовозы, изо всех щелей которых мельтешили руки и выпирали стриженные головы резервистов, оставшихся в одних портках и мокрых от жары нательных сорочках.

Кроме посланий Мартам и Эльзам, оставленным в земской глубинке, на досках теплушек выразительно белели надписи мелом: «Ausflug nach Paris!»

Зарешеченный железнодорожный мост, казалось, вот-вот рухнет на крыши вагонов, перегруженный провожающими и людьми просто восторженными, сквозь чугунные переплеты рядом с черными котелками вились ленточки дамских шляпок, в тени дебаркадера оркестр ревел: «Deutschland, Deutschland über ailes, über ailes in der Welt!...»

... На станции Виктория в Лондоне ему вторил «God Save The Queen!», чуть более уныло – поскольку по стеклу курительного вагона разбредались борозды дождевой воды, или, вернее сказать, равнодушнее. Война, на которую красным шрифтом зазывал сэр Генри Хаггард с плаката на кирпичной стене: «Every man of you must go!» – война была делом добровольным. Зачем она нужна разносчику чайной лавки мистеру Бруку, человеку без внятных перспектив и достойного места, это было понятно, но на кой черт далекая континентальная война понадобилась лорду Райану, недоумевала его вновь приобретенная теща. И без того молодой человек доказал преданность королеве, скупив на корню активы немецкой торговой компании по всему берегу Лимпопо.

Тем не менее, далеко оставив сигару, молодой лорд и патентованный лейтенант Райан целовал невесту, скучно кося взглядом куда-то вбок. Похоже, что если бы не старый лорд Райан, считавший женитьбу непременно атрибутом respectability, проводы лейтенанта были бы куда веселее...

... Еще далее, чем за туманной дымкой Ла-Манша, была эта война для Нового Света, поэтому и реакция на нее была самой неожиданной на фоне всеобщего патриотического подъема всех без исключения стран, готовящихся и уже вступивших в схватку друг с другом. Тут по нью-йоркской Пятой авеню под ироническими, а чаще разочарованными взглядами из-под соломенных шляп джентльменов и козырьков полицейских фуражек маршировали сдержанные последовательницы европейских скандалисток-суфражисток.

Женская демонстрация против войны и for piece не оправдала надежд даже газетчиков, готовых подхватить всю и всякую падаль, но теперь уныло опускавших Leizkamer-ы производства разжигателей войны. Да уж, порадовать обывателя было нечем. Даже юные барабанщицы из Союза американских девочек, сопровождавшие возмущенных леди, были задрапированы до пят – прямо демонстрация пуританок против развратного танго. Хотя что тут демонстрировать – танго к началу войны порицалось везде и повсеместно...

...Все еще царит венский вальс, и его звуки доносятся из кондитерской неподалеку от памятника Радецкому, возле которого австрийские новобранцы разбирают алюминиевые котелки и кружки, ополаскивая их от складской пыли тут же в огромной кадучке, щедро выставленной ресторатором.

Винтовки Манлихера собраны в пирамидки, а на пароконных тележках выглядывают из-под брезента свежеекрашенные пулеметы системы Шварцлозе.

Задраженные городскими мальчишками, жмутся в сторонке словацкие резервисты в полотняных штанах и вязаных кофтах с дорожными сундучками в руках. Ажиотаж площади Радецкого порядком пугает провинциалов...

Нет, все-таки начинать с «августа 14-го» нельзя...

Дела, происшествия и события, без которых «Великая война Ивановых» никак не может быть показана, начинались значительно раньше.

По самому жесткому отбору, начать можно с юбилейного (столетие победы над Наполеоном!) 1912 года.

И никак нельзя оставить в стороне «большого врага», существование и действия которого весьма существенно сказывались на событиях и судьбах...

МИД Российской империи.

Кабинетные разговоры. 1912 г.

Не в пример братцу, статский советник Алексей Иванович Иванов сохранил хоть и седой, но густой еще островок растительности на лбу, гармонирующий с портретными серо-серебристыми баками и со стриженными, желтоватыми от табака усами, – ни дать ни взять, провинциальный англоман конца прошлого века.

– А скажите-ка вы мне, голубчик, – почти ласково произнес Алексей Иванович, глядя на своего собеседника, седовласого каперанга Садовского, только что пересекшего Дворцовую площадь под затяжным ноябрьским дождем. – Что в Адмиралтействе думают по поводу стремительного рейда «Гебена» в Средиземное море?

– «Стремительного»? Да, пожалуй, – согласился каперанг. – Мы тут прикинули: известно когда он вышел из Вильгельмсхафена и когда ошвартовался у Мальты. Так получается, что в среднем давал не меньше 21 узла, днем и ночью...

– В проливах наверняка снижал ход, – отозвался третий собеседник, неброской внешности господин в партикулярном платье, – и на открытой воде нагонял.

– Да-да, конечно, господин советчик, – чуть заметно кивнул Иванов. – Но меня больше интересует реакция Адмиралтейства.

– Но, собственно говоря, у нас не особо удивлены, – поднял брови Садовский. – Туркам приходится туго, глядишь, чего доброго, наши единоверцы их вообще в Пролив сбросят, вот Германия басурманам и помогает. Не исключают у нас, что «лев» с «петухом» тоже подтянутся.

Разговор происходил в разгар войны на Балканах, которую еще никто и в мыслях не называл Первой Балканской. Казалось вполне очевидным, что союз Болгарии, Сербии (с Черногорией) и Греции – стран, близких не только исторически и территориально, но духовно и кровно, – неразделимо сплочен совместной борьбой против давнего мучителя. Тем паче что борьба пока что складывалась вполне удачно для балканских союзников: турецкая армия,

вопреки недавним уверениям германских инструкторов в успешной подготовленности, только доблестно усеивала убитыми солдатами поля Македонии и Фракии. Нередко контратакуя, но неизменно с большими потерями отступая все дальше и дальше, уже прямо-таки к дальним окраинам Константинополя.

– Да, ой как бояться европейцы новых флагов у Босфора, – подтвердил Иванов. – А никаких мыслей нет, что, если Балканская война закончится ни шатко ни валко, Проливы останутся за турками, да только «Гебен» не уйдет? Хорошо, если только «пробкой» останется?

– Да что там беды! – вскинулся Садовский. – У нас на Черном море только броненосцев – пять...

– А еще крейсера, миноноски, – вроде бы подхватил «партикулярный» (на самом деле ротмистр из 4-го отделения Генерального штаба, попросту – разведчик). Подхватил, но так, что и А.И. Иванов, и каперанг явственно ощутили издевку. И продолжил, чуть преувеличивая: – А еще канонерки, тральщики и даже госпитальное судно. Все прошлого века постройки, не так ли?

– Да не так страшен «Гебен», как его малюют, – огрызнулся каперанг. – И кстати, что это за слово – «гебен»? По-немецки вроде «дай», разве так корабли называют?

Алексей Иванович пояснил безо всякого высокомерия:

– Был у германцев такой генерал, Август фон Гебен. Отличился во франко-прусской войне.

– Пехотинец? – с нескрываемым изумлением переспросил Садовский.

– Равно как Мольтке, Зейдлиц и фон дер Танн, – с удовольствием выложил ротмистр Буровцев, перечисляя названия однотипных с «Гебеном» самых совершенных и мощных линейных крейсеров Германии, равно как имена прославленных прусских и баварских генералов прошлого века.

Комментарий

Появление нового класса кораблей, линейных крейсеров, означало реальное начало нового века для военных флотов великих морских держав. Главный калибр – как у линкоров, броня – как у тяжелых крейсеров и даже мощнее, и скорость – как у эсминцев, на какое-то время оказались они самыми эффективными воинами морей. Кораблями-убийцами, как называли их многие писатели-маринисты.

Пальма первенства в их создании, что неудивительно, принадлежит «владычице морей», первенцем стал «Инвинсибл» («Непобедимый») – стройный красавец длиной чуть больше 170 и шириной 22 метра, водоизмещением около 20 тысяч тонн.

Германским военным министерством и Адмирал-штабом Кригсмарине в период между августом 1906-го (начало проектирования) и ноябрем 1912 г. были введены в строй последовательно линейные крейсера «Фон дер Танн», «Мольтке», «Зейдлиц» и «Гебен», однотипные, но с усовершенствованиями каждого последующего борта. Скорость каждого из них, показанная на мерной миле, превышала 28 узлов, «оставляя позади» британских предшественников.

Мощнее, чем у «англичан», было и бронирование, и повышенное внимание было уделено живучести, что вполне себя оправдало в крупнейшем морском сражении Первой мировой – Ютландской битве. В ней принимали участие помимо прочих классов кораблей семь английских линейных крейсеров и пять немецких, и лишь они «выжили» в полном составе, т. е. остались в строю.

МИД. Статскому советнику А. И. Иванову

Ваше превосходительство, имею честь сообщить, что с 15 по 18 ноября 1912 г. в залив Золотой Рог прибыли военные корабли Германии, Англии, Франции, а также Испании, Нидерландов и Румынии.

Предполагается высадка десантов для поддержки турецких войск.

Комментарий

Неожиданная коалиция будущих противников в мировой войне, которая разразится менее чем через два года, высадила в помощь туркам, откатывающимся под натиском болгарских и греческих армий, десантный корпус численностью свыше 2,5 тысячи штыков.

С линейного крейсера «Гебен» и второго германского крейсера, «Винета», в сводный «интернациональный» десант отрядили около 600 моряков.

Наступление на Константинополь было остановлено, когда до турецкой столицы оставалось 45 км. Сыграло свою роль усиление турецких войск после чудовищных потерь предыдущего периода, но не столько за счет переброски свежих частей с Анатолийского полуострова, сколько благодаря тактически более грамотному командованию и религиозно-националистическому подъему. Сказалось и участие «десантников», сравнительно немногочисленных, но хорошо вооруженных и вышколенных подразделений.

Впрочем, доселе имеет хождение версия, что немалая заслуга в остановке наступления принадлежит России, которая планировала сама «водрузить свой флаг на Босфоре».

Можно только вообразить, скольких бедствий удалось бы избежать, если бы план, для реализации которого были и силы, и средства, и едва ли ни самый подходящий момент, осуществился...

Но сослагательного наклонения история не приемлет. 3 декабря 1912 года Первая Балканская война завершилась перемирием.

К Рождеству военные корабли европейской коалиции ушли из Босфора. Только самый грозный корабль, немецкий линейный крейсер «Гебен», еще некоторое время оставался в Константинополе, затем совместно с ВМФ Австрии оказывал психологическое давление на Черногорию, добиваясь от нее возвращения важного портового города Скутари прежним хозяевам. Давление дипломатическое оказывали собственно Германия и Австро-Венгрия, пригрозив войной и, в частности, высадкой десанта...

Утихло.

Громыхали не взрывы, а удары кузнечных молотов, кующих оружие, полыхали и дымили не пожары, а летки плавильных печей, и вздымались дым и чад над формами для отливки оболочек снарядов, орудийных лафетов, болванок для рассверливания орудийных стволов или прокатки броневых листов. Стрекотали не пулеметы, а клепальные молотки на верфях Плимута и Тулона, Гамбурга и Полю, Генуи и Николаева, ну и, конечно, Петербурга и Нагасаки...

Комментарий

Военные действия на фоне или в промежутке лондонских переговоров возобновлялись со второй половины января 1913 года, греческие и болгарские войска продвигались все ближе к Проливам, освободив соответственно Янину, Солунь (Салоники) и Адрианополь.

В Салониках 18 марта (н.с.) выстрелом в упор был смертельно ранен король Греции Георг Первый, он же – принц Датской королевской династии Глюксбург Христиан Вильгельм Фердинанд Адольф Георг.

Его старшая сестра Александра была женой принца Уэльского, впоследствии – короля Англии Эдуарда VII, а с 1901 г. – королевой Дании. Младшая сестра Мария София Фредерика Дагмара более известна как российская императрица Мария Федоровна. Любимая жена Александра III и мать Николая II.

Переговоры между сторонами, в ходе которых все обострялись противоречия между союзниками, а также с теми, кто им оказывал поддержку или на них влияние, продолжались до июня 1913 года, даже после заключения мирного договора. До того момента, когда Болга-

рией, возглавляемой воинственным королем Фридрихом Кобургским, который даже германского кайзера Вильгельма именовал «пацифистом», не была развязана новая война.

Вторая Балканская война – прямая предтеча Первой мировой.

МИД Российской империи.

Кабинетные разговоры. 1913 г.

– Я только что говорил с Сазоновым, господа, – Алексей Иванович обвел взглядом всех троих посетителей его кабинета. – И не могу не отметить, что не разделяю уверенности нашего министра иностранных дел в преходящем характере инцидента.

– Убийство Георга Первого? – уточнил Буровцев. Дарственный портсигар описал изящную эволюцию между его пальцами и замер.

Различные ведомственные принадлежности собеседников не изменяли сути вопроса – того, что политическая разведка по линии МИДа в то время была главной и определяющей и прочие ведомственные подразделения «работали» на нее.

– Сообщили, что покушался сумасшедший грек, – осторожно продолжил Садовский. – А от такого никто не застрахован...

– Увы, так... и не так. Припоминается по гимназическому курсу истории, что безумцы и фанатики-цареубийцы всегда появлялись очень уж вовремя. И все изменялось... Хоть в Древнем Риме, хоть в средневековых Англии, Франции, хоть, прости Господи, в ближних временах и пределах.

Никто не посчитал нужным уточнять, что за «ближние времена и пределы» имеет в виду А.И. Иванов, – не потому ли, что самые показательные *случаи* произошли в ближайшей близости?

Из газет

Из Салоник сообщают следующие подробности самоубийства грека Схинаса – убийцы короля Георга.

Схинас... в сопровождении жандармов и тюремного сторожа был перевезен в камеру судебного следователя, где тюремный сторож снял с него ручные кандалы. Затем сторож спустился вниз, чтобы заплатить извозчику. Жандармы оставались на улице. В камере находились также два судебных пристава. Когда один из последних вышел, Схинас воспользовавшись невниманием другого, подошел к окну и с высоты 10 метров выбросился на мостовую. Смерть последовала мгновенно.

Товарищем прокурора производится следствие.

«Россия», 8 мая (25 апреля) 1913 года.

– Ваше превосходительство полагает, что гибель короля Греции окажет существенное влияние на события в регионе? – спросил ротмистр. – Но сей акт террора осужден всеми странами, включая Порту, с редкостным единодушием.

– Сформирован почетный эскорт для перевозки монарших останков в Пирей, – подхватил каперанг Садовский, – военных кораблей всех морских держав. Во главе, кстати, с германским «Гебеном», о котором вы изволите так беспокоиться.

– О «Гебене» беспокоиться следует не мне, а вашему департаменту, – бросил статский советник. – Я же склонен предположить, что сей выстрел провозвещает начало больших событий. Очень больших, настолько, что о нем и вспоминать-то никто больше не станет. Греция, да простят меня православные братья, не самый важный игрок на столе мировой политики.

– Вы считаете, – впервые подал голос третий из гостей Алексея Ивановича, моложавый действительный тайный советник Венцель, – что предложения государя императора о мирном

способе разрешения споров не найдут наконец-то должного отклика в сердцах европейских властителей? По крайней мере у монархов, связанных с ним узами близкого родства?

Комментарий-справка

В 1898 году российский император Николай II Александрович обратился к государям и правительствам европейских стран с предложением заключить соглашение о сохранении всеобщего мира и установлении пределов постоянного роста вооружений.

В 1899-м и 1907 годах по его инициативе состоялись Гаагские конференции мира, отдельные (увы, далеко не все) решения которых остаются действительными даже по сей день.

В частности, по решению конференции 1899 года, созванной для обсуждения вопросов сохранения мира и сокращения вооружений, был учрежден Постоянный арбитражный суд в Гааге.

Морская хроника

Первый лорд британского Адмиралтейства Уинстон Черчилль в 1913 году принял меры по укреплению Средиземноморского флота, который намного превосходил предполагаемого противника по огневой мощи, но существенно уступал не только «Гебену» и «Бреслау», но и новейшим австрийским линкорам в скорости.

В Средиземное море были направлены три линейных крейсера: «Индефатигебл» («Неутомимый»), «Индомитебл» («Неукротимый») и «Инфлексибл» («Неуступчивый»). Оперативно они вошли в состав Мальтийской эскадры прежде всего из соображений стратегического удобства расположения – практически в самой середине театра (возможного) военных действий.

Каждый из британских линейных крейсеров уступал «Гебену» по вооружению и броневой защите, но вдвоем и тем более втроем, при согласованных действиях, они могли вполне рассчитывать на успех.

Вот только заставить принять неравный бой немецкий линейный крейсер, который существенно превосходил их в скорости, было задачей непростой.

МИД России. Кабинет А. И. Иванова

– Любопытная точка зрения, не правда ли, господа? – спросил статский советник, показывая издали перебеленный текст меморандума от 9 июля 1913 года посланника России в Афинах Димидова.

– Об этом очередном балканском сумасшествии? – спросил Венцель.

– Увы. Вот дословно: «В случае победы Болгария делается орудием в руках Австрии... В случае поражения она обратит свои взоры к России, которой будет легче, чем прежде, ее удовлетворить, потому что она в силу необходимости будет стоворчивее... Ее верность к нам прямо пропорциональна ее неудачам и обратно пропорциональна ее успехам. С этой точки зрения Греция и Сербия облегчат нам в настоящее время нашу задачу... приведут к нам, быть может, раскаивающуюся и униженную Болгарию».

– И как это вам, господин ротмистр? – поинтересовался, закончив чтение, Алексей Иванович.

– С болгарями мне приходилось иметь дело, – отозвался Буровцев. – По долгу службы. Не со двором Фердинанда, но с людьми влиятельными...

Ротмистр замаялся. Венцель, правильно уловив причину замешательства, поправил:

– Мы ни в коем случае не претендуем на раскрытие ведомственных секретов.

– Благодарю, – с облегчением выдохнул ротмистр. – Так вот, представьте, я вполне согласен с точкой зрения нашего посланника. Верность Болгарии нам действительно прямо пропорциональна ее неудачам и обратно пропорциональна ее успехам. Полагаю, что так будет еще

долго. Во времена Шипки и Плевны – да, «братушки-братушки», а сейчас молятся на Тройственный союз, пляшут с Германией и Австро-Венгрией.

– А мы, понятно, в Антанте, – кивнул давно сошедший на берег седовласый капитан первого ранга. – Но, согласитесь, весьма существенно славянское братство...

– По его поводу, полагаю, не следует обольщаться, – медленно покачал головою советник. – Не удивлюсь, если нам еще придется повоевать.

– Тем более что «славянство» болгар, в отличие от их православия, весьма сомнительно, – подхватил Константин Венцель, патентованный радатель чистоты и исторического величия славян, что для потомка лифляндских баронов было несколько неожиданно.

– Кто мы такие, чтобы сомневаться в государственной мудрости Его Императорского Величества? – поднял брови Алексей Иванович. И продолжил с несколько иной интонацией, как бы даже не перечеркивающей значения дальнейших его слов. – Его предложения о всеобщем мире, уверен, будут вспоминать и через сто лет. И услышали его не только кузены, но и в Габсбургском доме, и французские республиканцы.

На добрую минуту в кабинете воцарилось молчание, только дважды щелкнула крышка портсигара в руках у Буровцева. И он же заговорил первым:

– Мы тут получили любопытные известия с верфей «Блом унд Фосс»...

– Да подождите вы со своими шпионскими штучками, – вскинул седую голову Садовский. – Вот скажите мне, почему нам не разрешить этот балканский узел окончательно? Занять наконец европейский берег Босфора, поддержать греков и сербов, Фердинанда этого болгарского-кобургского приструнить – что, сил у нас мало?

– Подобное обсуждалось, – негромко сказал статский советник. – Злые языки твердят, что наступление балканских союзников было остановлено по нашему решительному требованию, потому что мы сами нацелились на Проливы.

– Ну и?

– Кто мы такие, чтобы сомневаться в государственной мудрости Его Императорского Величества? – повторил Алексей Иванович.

Морская хроника

С апреля по август 1913 года «Гебен» в сопровождении легкого крейсера «Страсбург» предпринял походы, или, как выражаются в Альбионе, «демонстрацию флага» в Северном и Восточном Средиземноморье. Флаг был продемонстрирован у берегов Греции и Албании, весьма поспособствовал восстановлению статуса Скутари. Затем эскадра пересекла Адриатику и, пройдя вдоль восточного побережья Италии от Бриндизи до Венеции, вошла в воды, подконтрольные Австро-Венгрии.

В австрийском тогда порту Пола (или Пула в современном наименовании) «Гебен» встал на текущий ремонт, который продолжался почти два месяца.

Цитата

...24 января 1913 г. военные действия возобновились. В ближайшие месяцы союзники вошли в Адрианополь, греческие части заняли Янину, а Скутари по предварительному соглашению его защитника Эссада-паши с черногорским королем перешло к Черногории. Под энергичным давлением Австрии и Германии, которые недвусмысленно пригрозили войной и уже ввели свой флот в Адриатическое море, черногорские войска вынуждены были оставить Скутари.

Лондонские переговоры возобновились, и 30 мая 1913 г. был подписан мирный договор между Турцией, с одной стороны, и Сербией, Грецией и Болгарией – с другой. Согласно этому договору, Болгария получила Адрианополь, Сербии – взамен выхода к Адриатическому морю – был предложен коммерческий порт на юге без установления ее суверенитета на побережье,

т. е., иными словами, Сербии было предложено искать компенсации на юге, в Македонии, за счет Болгарии. На Адриатическом побережье образовывалось самостоятельное Албанское княжество, которое провозглашалось «суверенным», независимым от Турции и постоянно нейтральным княжеством с князем, назначаемым великими державами. Усилиями австрийской дипломатии удалось столкнуть лбами двух вчерашних союзников – Сербию и Болгарию. Вторая Балканская война родилась на Лондонской конференции.

На этой же конференции Румыния была вознаграждена за свой нейтралитет предоставлением ей болгарского города Силистрии.

Договор, подписанный под давлением послов крупных держав, никого из союзников не удовлетворил. Сербия потребовала от Болгарии вознаграждения за утерянное ею Адриатическое побережье. Болгария ссылаясь на потерю Силистрии. Греция настаивала на уступке ей некоторых пунктов Юго-Восточной Македонии, населенных греками¹.

Комментарий

Мирные переговоры по «разделу турецкого наследия» освобожденной от Османской империи большей части Балканского полуострова завершились неожиданно для современников, но закономерно с сегодняшней точки зрения. Два самых больших славянских «брата» России перессорились между собой за турецкое наследие. Сербь требовали себе выход к Адриатическому морю. Болгары претендовали на Македонию за речкой Вардар, занятую сербской армией.

Наследник сербского престола Александр (из династии Карагеоргиевичей, прямой участник убийства Обреновичей, династических предшественников на сербском троне) в мае 1913 года прямо заявил в интервью белградской газете «Политика», что Сербия не отдаст Болгарии ни дюйма Завардарской Македонии. И что другого способа решения сербо-болгарского конфликта, кроме войны, не существует. Русскому генеральному консулу Тухолке в частном разговоре Александр высказался еще откровеннее: «Сербь никак не уступят долину Вардара и предпочтут скорее воевать с Европой, чем подписать свой смертный приговор. В противном случае пускай хоть Австрия берет Сербию, раз все равно погибать».

Греческий наследный принц Николай писал через голову российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова лично Николаю II, своему двоюродному дяде: «Я опасаюсь, что Сазонов готов уступить Монастир болгарам (под предлогом, что там живут болгары). Но если это так будет, то у нас никогда в будущем не установится мир, ввиду того, что Болгария, став почти вдвое больше Греции, воспользуется первым же предлогом, чтобы начать войну, а затем, раздавив Грецию, нападет на Сербию или наоборот...»

Я полностью уповаю на тебя, зная, что ты сделаешь все возможное, чтобы защитить интересы нашей страны отчасти ради самой Греции, а также в память дорогого папы».

29 июня 1913 года началась Вторая Балканская война...

Морская хроника

Приказом морского министра Германии адмирала фон Тирпица в октябре 1913 года командующим Средиземноморской дивизией Кригсмарине назначен контр-адмирал Вильгельм фон Сушон.

Биографическая справка

Контр-адмирал Вильгельм фон Сушон родился 2 июня 1864 года в Лейпциге, в семье морского офицера. В 17 лет окончил морской корпус, получил офицерский чин, командование канонеркой «Адлер» и первую награду за захват в составе флота островов Самоа. Потом он

¹ Лев Троцкий. Сочинения. Том 6. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война.

командовал крейсером, служил в генштабе, командовал броненосцем «Веттин», был начальником штаба германского флота на Балтике, где считался ставленником гросс-адмирала Альфреда фон Тирпица, создателя «Германского флота Открытого моря».

В 1911 году получил чин контр-адмирала.

Это был человек весьма хладнокровный, немного замкнутый и в то же время с авантюристической косточкой.

Он был грамотным моряком-профессионалом и умел подчинять себе людей без нажима, располагал к себе, но без лишней лести, хотя и с долей некоторого коварства.

28 июня 1914 года. Чуть ли не прямым следствием Второй Балканской войны стало убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда сербским террористом Гаврилой Принципом – членом террористической организации «Млада Босна», борющейся за объединение всех южнославянских народов в одно государство.

Морская хроника

Сменив контр-адмирала Трюмлера на посту командующего Средиземноморской дивизией, Вильгельм фон Сушон быстро установил контакты во всех портах, устроил агентуру осведомителей, снабдив их новейшими радиостанциями.

Также заблаговременно наметил и организовал он на Средиземном море тайные базы для заправки углем и боеприпасами.

Вместе со своим генштабом и германским шефом внешней разведки полковником Николаи уточнил перечень фирм – будущих поставщиков-угольщиков на случай объявления войны.

На базе австрийского флота в г. Пола Вильгельм фон Сушон несколько дней провел в переговорах с его командующим – адмиралом фон Гауссом. Было решено, что германские крейсера в случае войны будут действовать совместно с флотом Гаусса с целью воспрепятствовать переброске французского экспедиционного корпуса из Марокко и Алжира на континент.

28 июля 1914 года началась Первая Мировая война...

Англия. На верфях Плимута проплывает над бетонным ущельем дока в облаках пара и в тучах дыма громада парового котла, подвешенная в стропях крана, словно медный пивной кег для ручного насоса, который тащат в сети на второй этаж паба.

Запрокинув голову в одноименном котелке, импозантный австралийский турист позирует, прислонив к громадной стопе броневого листов изящную тросточку. Его на сравнительно компактную ручную лейц-камеру фотографирует хохотливая подружка. В кадр трость попадает совершенно не случайно – ее длину с точностью до миллиметра знают в Адмиралтействе союзной России...

Германия. В прокатном цеху с грохотом катятся по роликам листы крупновской стали, чтобы под апокалипсическими сокрушениями парового пресса превратиться в не лишние изящества «тазики» широкополых касок.

Прежде чем просверлить в них отверстия для креплений усиленной лобной пластины (креплений, которые издали будут казаться дьявольскими рожками и которые сами «черти» в окопах сразу же начнут отвинчивать, напугавшись сломанной шеи, – «говорят, Ганс из Бремена, получив пулю в лоб, так и кончился – бац, и хрустнуло тут!» – шлепок по шее), каску примеряет весьма пожилой мастер Гельмут, не подозревая, что не за горами и его время...

Россия. Рачительный купец 1-й гильдии мануфактурщик Афанасий Астафьев, прослышав о грядущем заказе на пошив военного обмундирования, сперва облегченно перекрестится: «Ну, теперь будет куда сбыть залежалое сукно, сдуру купленное в надежде на болгар!» Потом

засуетится, забеспокоится: «А ну как и впрямь война на полном суръезе? Тогда просто медком не подмажешь. Тогда целую правительственную комиссию покупать надобно. Ах, ты! опередит Троекурова, у нее там племянник...»

Впрочем, не меньше купца рады путиловские рабочие и даже пригрозили дать в морду известному смутьяну из большевиков – Касьяну: «Какие на хрен забастовки! Только работа пошла по хорошему наряду, навались!»

Франция. Комиссия Генерального штаба признала, что разработанная полковником Ланглуа и воплощенная в металл подполковником Депором на казенном заводе 75-мм скорострельная полевая пушка образца 1898 г. остается до сих пор непревзойденной. А посему следует увеличить их выпуск на заводах Шнейдера как минимум вдвое...

Вот как вспоминает последние мирные месяцы офицер минзага «Краб» (первый в мире подводный минный заградитель еще не раз «всплывет» на страницах этой книги):

«...В июне в Либаву специально для расширения нашей практики пришел отдельный дивизион подводных лодок Балтийского флота. Мы побывали на многих лодках, выходили на них в море, участвовали в учебных атаках на крупные корабли – словом, значительно расширили свои познания.

В напряженном ритме боевой учебы мы как-то мало интересовались событиями, происходящими в мире. Во всяком случае, мы не придали никакого особого значения Сараевскому убийству и уж никак не думали, что оно будет иметь такие последствия! Помнится, нас гораздо больше взволновало известие об аресте в Германии русского морского офицера, наблюдавшего там за постройкой по русскому заказу двух легких крейсеров. После резкого протеста нашего правительства арестованного офицера освободили. Германское правительство принесло свои извинения, но мы все были глубоко возмущены самим фактом случившегося.

Немного позднее в Кронштадт пришла с визитом английская эскадра под флагом адмирала Битти. Из газет мы узнали, как тепло встречали в Петербурге и Москве английских моряков. После визита англичан последовал визит французской эскадры с президентом Пуанкаре, которому также был оказан блестящий прием. К стыду своему, я ничего не мог понять. К чему все эти визиты боевых эскадр, когда вокруг все так тихо и спокойно? И почему в столице австрийский подданный подбивал к стачке рабочих военных заводов и был арестован полицией?

Впрочем, вскоре все стало ясно. Не успела французская эскадра покинуть балтийские воды, как пришло известие о предъявлении Австрией ультиматума Сербии и о вмешательстве в этот конфликт России со своими мирными предложениями. Но и тогда никто из нас и помыслить не мог о войне. Какая война, когда едва прошло 9 лет после японского разгрома, от которого Россия еще далеко не оправилась? Какая война, если не закончены возрождение флота и реформа армии? Какая война, если тлеют еще искры революции и кровавых мятежей, готовые снова вспыхнуть жарким пламенем?

Но слово «война», повторяясь все чаще и чаще, уже висело в воздухе. Сначала из Либавы была отозвана минная бригада. Затем базу стали покидать пехотные части. Никто не знал, зачем и куда. Командир нашего дивизиона постоянно получал какие-то депеши, но до нас не доводил ничего. Из газет тоже ничего толком понять было невозможно. Одни считали войну неизбежной, другие, напротив, полагали, что все уладится. Мы, в воинственной легкомысленности молодости, не понимали трагичности событий и были готовы помериться силами с кем угодно»...²

² Из книги Нестора Монастырева «Гибель царского флота».

Великая война, начавшаяся 2 августа 1914 года для одной семьи из миллионов русских Ивановых...

На них мы и остановимся подробнее.

Только на них, ибо объять необъятное – все одно, что пересчитать этих самых Ивановых по всей Руси.

Только на них, потому что на них Русь и держится, даже если зовут этих Ивановых в хроникальной частности: Ибрагим, Иван, Абрам, Иванко, Ваню, Ованес – да мало ли как. В нашем случае это все равно, пусть будет...

Восстановлено по приходским книгам

Иванов Иван Иванович, 59 лет, антрополог, экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета. По ученному званию – надворный советник. Никакого отношения к военному делу не имеющий.

Жена его Елизавета, в девичестве Коваль, 1860–1897 гг., умерла при родах младшего сына.

Сыновья его:

Вадим Иванович, 35 лет от роду, лейтенант флота, старший артиллеристский офицер эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин». Ныне в Севастополе.

Кирилл Иванович, 30 лет, по окончании офицерской Воздухоплавательной школы также в Севастополе и также лейтенант, но Императорского военно-воздушного флота.

Василий – озорник 17 лет, последний год «Отдельных гардемаринских классов».

Дочь Варвара – 23 года, домашняя воспитательница, выпускница Петербургских фребелевских курсов.

И приемная дочь Кира Ивановна, двадцати одного года, привезенная с Алтая как довольно неожиданная находка антропологической экспедиции. И примечательно, что год спустя после смерти законной жены профессора, но уже пяти лет от роду.

Последние трое сейчас в Петербурге с отцом.

Брат профессора Алексей Иванович, статский советник, выходец из Инженерного замка³, имеет свой кабинет на Дворцовой площади в министерстве Сазонова, но чем там занимается – Бог весть. 50 лет.

Сын его Николай, племянник профессора, 26-летний гвардии пехотный капитан и, по мнению отца, очевидный недоросль. Сейчас в Красном Селе, в лагере.

Таковыми их застала мировая война.

Война на полмира, пока что странно ликующего на площадях Парижа и Вены, Вашингтона, Лондона и Берлина...

...Практичен энтузиазм на рю Соф Негон, где меркантильные парижане спешат вынести свои вклады из банка Caisse d'Épargne, попутно вынося его дубовые двери. Их тут даже больше, чем на площади Бастилии.

...В толпе безрассудных буршей на мюнхенской площади Одеон ничем не примечателен молодой человек, машущий летней соломенной шляпой. Разве что стриженными усиками щеточкой, которым предстоит длительная кинематографическая судьба.

...В Праге на Вацлавской площади молодой журналист с особым интересом приглядывается к инвалиду-колясочнику в толпе демонстрантов, который размахивает костылями и вопит: «На Белград!»

³ Выпускник Николаевской инженерной академии.

...И ночью озарена газовыми огнями Трафальгарская площадь, точно лондонцам не войну объявили, а разрешение на работу пабов после полуночи.

Впрочем, большего энтузиазма, чем на Дворцовой площади 2 августа (20 июля старым стилем), Европа, начавшая войну на сгорание, сгорание полное и дотла, не знала...

Глава 1

Сближение в пространстве и во времени

Петербург. Август 14-го

Потом она часто вспоминала... а может, в прошествии лет это уже казалось ей точно воспоминанием... – что Великой та война стала для нее именно 2 августа 1914 года в Санкт-Петербурге.

В городе, которому Санкт-Петербургом оставалось быть считанные дни, до 31-го...

Дворцовая площадь кажется безлюдной, даже когда толпы провинциальных зевак разглядывают на ней позеленелых богинь на крыше Зимнего, артельщики, переминаясь в лаптях, гадают, за каким из окон дворца мужицкий царь Распутин кушает чай с царицею, городовые топчутся на обычных своих местах, но все рассеяны на пространстве самой большой европейской площади. Друг с другом не то что разойтись – и сойтись-то весьма затруднительно. И, что особенно удивляет, тишина, даже если караульная рота с банными вениками грохочет сапогами в Сенатском проезде или рвет глотку зазывала прогулочной кареты с ряженым лакеем эпохи Елизаветы...

Но сегодня...

Площадь вдруг оказалась не свободнее воскресного загородного омнибуса – так же тесно, душно и потно, несмотря на террасную конструкцию вагона, но даже сердиться на отдаленную пятку никак не выходит – так все весело, сумасшедше и празднично, будто в предвкушении пикника или лодочной прогулки заливом.

Так что домашнюю учительницу, вчерашнюю фребеличку Варвару Иванову, ничто не могло ни смутить, ни разозлить как следует... Ни мосластый локоть чопорной дамы со старомодным лорнетом, втыкавшийся ей в бок с упорством прямо-таки подозрительным, ни фабричный мужичок в огненно-ярмарочной рубахе, угрожающе воздевший «Николая-угодника» в массивном дубовом окладе, ни транспарант «Свободу Карпатской Руси!», загородивший почти весь вид на бурую громаду дворца. Ни даже приторный запах «Шипра» от какого-то «бонвивана», брезгливо отмахивающегося надушенным платочком, когда, конечно, этого не видела Варя...

И это, пожалуй, единственное, что несколько раздражало девушку в летнем белом платье с бантом чуть ниже талии и с кружевными митенками до локтей. Сознывая, впрочем, что не коситься на нее невозможно – уж больно хороша: глаза серые с искоркой, открытый лоб, обрамленный чуть завитыми белокурыми прядками, маленький рот кукольным бантиком – вишнево-алый, и красить нет надобности, – все-таки подумала: «Да с какой стати мне вообще смотреть на кого-то кроме... – сердито поддернула Варя ажурные перчатки, отворачиваясь. – Кроме вот... И когда тут...»

Что именно «вот» и что «тут», она не смогла бы сейчас не только сказать, но даже сосредоточиться на определении. Все, что занимало сейчас Варвару Иванову всю, все ее существо, – все вертелось и кружилось в белокурой головке детским калейдоскопом, лишь на мгновение отражаясь в сознании пестрым рисунком, а в душе – одним только воплем, который она потихоньку, как пар из закипевшего котла, стравливала то приличными барышне «ахами» и «охами», то совершенно звериным повизгиванием. Жаль, что не пели больше! Она бы сейчас и гвардейский «Взвейтесь, соколы, орлами!» подхватила бы, чтоб выпустить восторг, стеснявший душу и дыхание. Хотя, по правде сказать, никогда ей так удивительно и не дышалось – одновременно легко до головокружения и тесно до боли в боку. А тут и вовсе дыхание прекратилось...

...Государь поднял руку, собираясь продолжить, но, вместо того чтобы умолкнуть, площадь инстинктивно взревела, словно стиснутые меха, из которых единым порывом вырвался то ли стон восторга, то ли разочарования, – мало что, в самом деле, было слышно всем, кто находился далее Александрийского столпа, за цепью жандармов. И немногим более видно маленькую фигурку в парадном мундире, перечеркнутом орденской лентой, на балконе, в драпировках алого кумача промеж облупившихся колонн, совершенно потерявшуюся рядом с огромным двуглавым орлом:

«Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мировой славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей империи, боремся за правое дело...»

Напрасно жандарм осаживал рев зверскими гримасами и маханием рук. Разве можно дать команду «молчать!» летней грозе, раскаты которой вдруг и сами по себе грохочут когда и где хотят, встречая всякое, едва расслышанное слово Государя:

«В этом единомышленном порыве любви и готовности на всякие жертвы... – доносило неверное эхо, с трудом пробиваясь сквозь рабочий шум библейского столпотворения. – Я черпаю возможность поддерживать свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее...»

Даже по истовым лицам гвардейцев ходят судороги – им, должно быть, видно из первых рядов, как текут слезы по щекам императора, хоть он, по обыкновению, и склонил голову, так что виден мысок редеющих волос. И, чуть исподлобья, продолжает, обращаясь к народу:

«Уверен, что вы все и каждый на своем месте поможете мне перенести ниспосланное мне испытание, и что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца...»

Авторские заметки

...Странное дело, но почти в то же самое время рыдал в своих покоях и «враг рода человеческого», озадачивая придворных стонами: «Как Джордж и Ники могли так со мной поступить?» – довольно нелепая фраза, как для мирового агрессора.

Хотя...

Обиду прусского короля и императора Германии Вильгельма II на кузена Георга V еще понять было можно – все-таки Англия обещала не вмешиваться в войну Германии с Россией, несмотря даже на союзнический долг перед последней. И вдруг – на тебе – открыто встала на ее сторону. А с кузеном Ники, далеким коварства, все было изначально ясно: Николай II открыто заявлял, что не допустит оккупации Сербии. И, в конце концов, это он сам, Вильгельм, не ответил на предложение русского императора «передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию».

Что ж теперь рыдать-то?

Впрочем, немного уже стоили монаршие слезы. Совсем отошли на задний план амбиции частных Наполеонов. Война стала безликой, и чья-либо личная мораль не стоила теперь ни ломаного гроша, ни стертого пфеннига. Должно быть, первым это понял престарелый Франц Иосиф, когда его посол при Святом престоле передал австрийскому императору ответ папы римского на просьбу о благословлении для его армии: «Я не могу благословить ни войну, ни тех, кто ее желал. Я благословляю мир... – с сакральным простодушием отвечивал Пий X и даже добавил: – Император должен быть счастлив, что я его не проклял».

Куда уж больший мировой авторитет – папа римский.

И что же?..

Пристыженные монархи бросились в объятия опомнившихся парламентариев? Придя в себя от патриотической одури, добровольцы отхлынули от мобилизационных пунктов, а наступающие войска, рассыпаясь в извинениях, попятнулись за пограничные столбы?

Ничуть не бывало. Все рвались только вперед. И, как ни странно, все искренне полагали, что с ними Бог.

Именно с ними. Ни с кем иным.

Петербург. Август 14-го

...«Велик Бог земли Русской!» – поднял голову Николай Александрович, обводя площадь влажным взглядом любящего отца.

То ли по команде капельмейстера, то ли уловив, что лучшего окончания и быть не может, оркестры, подстраиваясь друг под друга на ходу, точно «беря в ногу», грянули «Сильный и славный...», блеснули чищеной медью. Площадь взорвалась какофонией ора и заученных лозунгов, впрочем, смешавшихся в один крик, который и тот не мог выразить чувств распирающих грудь и сжимавших сердце: «Сильный и славный!» – кто в этом мог теперь усомниться?!

Неуверенно взмахнув рукой, император вдруг нашел самый верный ответ на столь яростное выражение верноподданнических чувств. Он опустился на колени, и тотчас же просела вся площадь, точно прибой, отхлынувший в каменной заводи. Рядом с государем безо всякой заминки зашуршала белыми юбками государыня.

И да! За это можно было немедленно положить самую жизнь.

За императорскую чету, стоящую на коленях в мольбе со всем своим народом, за их слезы, бывшие сейчас подлинным мироточением образа, воплощавшего в себе все, что было теперь Русью, все, что было в ней правого, честного и возвышенного. И даже вчера еще не принятая народом августейшая немка – чуждая, раздражающая, подозрительная – сейчас на коленях и со слезами на лице, скупом в выражениях, как рафаэлева икона, была теперь чуть ли не русская Богородица, все покрывающая материнским своим страданием...

Из первых уст

Вильгельм фон Сушон вспоминает

Известие об отвратительном преступлении в Сараеве поступило во время нашей стоянки в порту Хайфы. У меня не возникло сомнений, что убийство наследника австро-венгерского престола и его супруги повлечет за собой целый ряд политических осложнений и уж непременно затронет нашу оперативную зону.

...Полагаться на возможность возвращения в Гамбург по завершении крейсерской службы не следовало, напротив, требовались немедленные самостоятельные действия. Состояние же моего флагмана достигло печальной крайности, изношенные котлы не поднимали пары должным образом, и в действительности «Гебен» едва набирал двадцать – двадцать четыре узла, и то ненадолго. Следовало встать на ремонт, пока об этих плачевных обстоятельствах не прознали соперники.

...Адмираль-штаб предложил «Гебену» идти в балтийские воды, отправляя сюда на смену «Мольтке» из Первой разведывательной группы линейных крейсеров, но я в полном согласии с Аккерманом и Клитцингом счел такое промедление излишне опасным. Совместно с нашим атташе мы добились немедленной посылки в Пола бригады мастеров и рабочих «Блом унд Фосса». К 10 июля, когда мы прибыли в порт, ремонтники уже были готовы приступить к работе...

К 29 июля, когда поступило предупреждение из Берлина, развеявшее последние сомнения о близости военного столкновения с Францией и Англией, была завершена замена 4460 котельных трубок.

Я принял решение немедленно вывести линейный крейсер из дальней уости Адриатического моря, сдерживающей возможности маневра, отозвать из Скутари крейсер «Бреслау» и идти в Мессину, где предполагалась встреча с основными силами Гаусса.

Комментарий

Секретная морская конвенция в рамках договора о создании Тройственного союза предполагала, в частности, осуществление совместных боевых действий австрийского, итальянского и германского флотов против французских и российских флотов, а также воспрепятствование действию англичан в Средиземноморье. Общее руководство предполагалось возложить на командующего австрийским флотом, самым крупным в акватории на то время.

Кроме того, учитывалось, что Италия может соблюдать в соответствии с предварительным соглашением нейтралитет во франко-германском конфликте, так что действовать придется только австрийским и немецким военно-морским силам.

В начальный период войны пунктом сосредоточения сводной эскадры назначался порт Мессины с последующим выходом в западную часть Средиземного моря для предотвращения перевозки из Северной Африки во Францию крупных войсковых соединений.

30 тысяч хорошо подготовленных и экипированных, имеющих немалый боевой опыт солдат и офицеров колониальной армии могли существенно усложнить немецкую стратегическую операцию по разгрому Франции.

Кайзер Вильгельм предполагал, что «кузен Ники» будет долго колебаться и медлить с фактическим вступлением России в войну и германские войска успеют к тому времени взять Париж.

МИД России

Кабинетные разговоры. Июнь 1914 г.

– Рад вас снова видеть, господа, – такими словами встретил Алексей Иванович каперанга и ротмистра, вошедших сразу же друг за другом в кабинет статского советника. – И чаю выслушать новости из первых уст.

Причины для чаяний были вполне очевидны. Садовский побывал на Севастопольской и Керченской базах, а также на минно-испытательной станции близ Феодосии. Об этой инспекционной поездке в МИДе или, по крайней мере, на уровне А.И. Иванова знали.

Миссия Буровцева была засекречена донельзя, о том, что делал разведчик во время трехнедельного вояжа по Центральной и Западной Европе, знали всего-то трое или четверо в Генеральном штабе. Но в Министерстве иностранных дел фиксировалась и выдача паспорта, и посещение соответствующим господином посольств и консульств в десятке стран и городов.

– Прежде новостей позвольте передать вам поклон от племянника вашего, лейтенанта Иванова.

– Вадима? Вам случилось познакомиться? – искренне удивился статский советник.

– Познакомились и имели беседу, – расплылся в улыбке Садовский. – Я же на «Пущине» перебрался из Севастополя в Двукорную, а затем в Керчь. Впрочем, к долгим беседам ни служба, ни отменная скорость эсминца не располагали.

– «Отменная»? Новейшие английские эсминцы на шесть узлов опережают наших черноморских «угольщиков», – счел необходимым отметить «сухопутный» ротмистр.

– И наши «Новики» – тоже! – тут же вступился Венцель за флот российский. – Скоро они и на Черное море придут.

– Бог даст, Бог даст, – склонил седую голову капитан первого ранга. – А из увиденного наиболее поразил меня прожект завесы из гальванических мин. Где они будут поставлены, это, господа, большой секрет, мне и карту не рекомендовали особо разглядывать, но мысль, скажу вам, перспективная. До поры, до времени – так, вроде пустая забава, о ней и думать-то никто не будет, а как жареный петух клонет, так непроходимая завеса оцетинится.

– В самом деле непроходимая? – поинтересовался Алексей Иванович.

– Уверяют, что да. Хоть линкор сунется – на части разорвут басурманина. Хотя какие там на Черном море у них линкоры!

– Это пока, – отозвался ротмистр. – Англичане по заказу турок достраивают целых два, и первый, «Султан Осман», уже на ходовых испытаниях. Громадина страшная. Уверяю, посильней они наших «Евстафия» или тем паче «Пантелеймона» будут. И броня, я вам доложу... Англичане ее толщину, конечно, секретили, так мой человечек с милашкой прошли на верфи, ах-ах, туристы из Австралии, и сделали фотоснимки на ручную камеру.

– Разве на фотографических снимках реальные параметры брони определишь? – недоверчиво спросил Венцель.

– А у него тросточка была с собою. Прислонил к штабелю броневого листов, подготовленных для клепки, сам стал в позу, и милашка запечатлела. Тросточка-то мерная, заранее до миллиметра промеренная.

– Когда еще этот дредноут со стапелей сползет, – буркнул Садовский.

– А «Гебен» уже сейчас у наших ворот стучится, – заметил статский советник.

– Дался вам этот «Гебен»! – раздосадованно бросил Садовский. – Тем паче что, как я слышал, он где-то вдоль западного побережья Италии дымит...

Двумя месяцами спустя «большой враг» находился уже значительно ближе.

Комментарий

Первая половина 1914 года, по мнению большинства политических деятелей той эпохи, была одной из самых спокойных в истории. На Балканах, после того как болгарский Фердинанд, умывшись кровью своих подданных, целый месяц воевавших со всеми без исключения соседями, воскликнул, что «это не война, это черт знает что», все утихло.

Очень показательно, как провел весну и половину лета «Гебен», в предположении, что в октябре его сменит в Средиземном море однотипный «Мольтке», а корабль отправится, не торопясь, на родимые верфи «Блом унд Фосс» для замены уже изрядно прогоревших котельных трубок.

Пройдя в сопровождении «Бреслау» мягкой левантийской зимой вдоль западного побережья Италии, весной через Мессинский пролив соединение вернулось в Адриатику, чтобы исполнять роль почетного морского эскорта. В Венеции их ожидали королевская яхта «Гогенцоллерн» и германский кайзер с супругой, и соединение проследовало к острову Корфу. В начале мая «Гебен» красовался в Неапольском заливе, туда же пришел и легкий крейсер «Кенигсберг», который временно, до последующего перехода через Суэцкий канал, поступил в распоряжение контр-адмирала Сушона. В конце того же месяца «Гебену» досталась уж вовсе невоенная миссия – он доставил в Стамбул германского посла барона фон Вангенгейма.

Правда, в Стамбуле помимо приятных и взаимно полезных бесед с Энвер-пашой, германским военным консулом и послом фон Вангенгеймом (И. Бунич настаивает, что в переговорах принимал участие и А. Парвус, и даже подсказал коварный эсдек идею блокады России на Черном море, – хотя что тут было подсказывать?), пришлось пережить и неприятный момент. Загорелись большие казармы, в тушении пожара приняли участие 300 моряков с «Гебена», и для троих из них служба и жизнь закончились навсегда...

Петербург. Дом на Миллионной. Август 1914 г.

– Ах, как не хватало тут царевича, оставленного в Петергофе в болезни!.. Он и во всякое другое время такой милый и кроткий, что представляется ангелом... – срывая летнюю туфельку, Варя проскакала на одной ноге сумрачным коридором их квартиры.

– Скорее уж агнцем на заклание, – проворчала рыхловатая старуха в переднике и с половником на плече, в объемистую грудь которой девушка с разбегу уткнулась щекой, как в подушку.

– Злая ты, Аглая, – привычно пробормотала Варя, проникаясь вкусными запахами жаркого и свежей базарной зелени. – Вечно тебе мрак один мерещится. Ты бы видела, как настро-

ены люди! Да я сама, кабы могла дотянуться до горла того кайзера... А это она? Моя дорожная курица? – не смогла она все-таки не заметить дразнящих ароматов от передника кухарки, горничной, няни и прочая, что в совокупности просто Глашей и называлось без уточнения звания и штатного расписания.

– Господь с тобой! – закатила выгоревшие до рыжести, когда-то дочерна карие глаза старуха. – Виданное ли дело, чтобы девицы кайзеров душили?.. Курица твоя, к слову сказать, в дорогу собралась уже, – отстранила она Варвару от замасленного передника. – Паштетом нагрузилась по самую гузку и ждет в восковой бумаге, а ты, цыпленок? Все по стульям висит, на кровати да на зеркале. Что себе думаешь? Времени осталось...

– Думаю сейчас же собирать сак, – покладисто перебила ее девушка. – Поможешь утрамбовать, как следует, а то я вон какая легонькая, а ты вот... – Варвара сравнительно развела руками вокруг пышной, как самоварная клуша, няньки-кухарки, наконец, выдала деликатно: – Капусту квасить можно.

Нянька недостоверно замахнулась половником, но, точно вспомнив что-то, им же и поскребла в белесой от седины луковице волос, заглядывая за плечо девушки.

– Помогу. А мальчика где потеряла?

– Найдется твоя пропажа, – легкомысленно фыркнула Варя. – Нашла тоже мальчика, целый гардемарин...

Хотя, признаться, там, на Дворцовой площади, она и сама немало обеспокоилась, когда, вскрикнув совсем по-мальчишески: «Ах, Васька, как все грандиозно!» – не услышала ответа. И даже привычно поискала рукой подле себя, прежде чем обернулась вправо и влево. Гардемарин как в воду канул, несмотря на родительское наставление, даденное ему: не оставлять сестры одной без присмотра – мужчина же все-таки. Хотя аналогичное наставление в отношении младшего брата было дадено и самой Варваре – старшая все-таки...

– Васька! – едва не подпрыгнула Варвара, беззащитно отстраняясь от тяжелого оклада иконы и отмахивая от лица черно-бело-золотое полотнище, но тут же наткнулась на заинтересованный взгляд «светского денди» и неодобрительный лорнет «классной дамы», не потерявшей и сейчас своеобразного «присутствия духа»: «Энтузиазм, мадемуазель, ничуть не отменяет приличий!»

Варя смутилась и даже разозлилась: «Ну да, не пропадет. Сам найдется. И вообще... Это он должен бы беспокоиться, как сестренка из этой палаты буйных выбираться станет», – поднялась девушка на носки, выглядывая поверх этакого «мельничного лотка» площади.

Точно кто-то встряхивал и подкидывал, сортируя, фетровые котелки и соломенные шляпы, самые разные дамские уборы с цветами и лентами газа, головы в самой разнообразной растительности или вовсе блестящие медью лысин...

Через минуту вопрос «как отсюда теперь выбраться?» показался ей вопросом жизни и смерти.

«Напрасной жизни и бессмысленной смерти... – про себя уточнила Варвара, отчаянно работая локтями, только чтобы устоять на ногах. Толпа подалась назад, будто подчинившись наконец нестройному хору полицейских свистков и окриков, закружила и завертелась, потянулась в сторону Александровского сада. На остановку автобуса, что ли? – Это сколько же их понадобится, хоть и с империями, чтобы развести такую орду. Немыслимо!»

Площадь сделалась тесной и шумной, как театральный гардероб, – отчего-то именно такое сравнение пришло в голову, – такая особая, по-своему праздничная давка, где все и все еще на одном дыхании, все еще зачумлено общим впечатлением спектакля и не разрознено частным желанием или недовольством. Еще не вспомнились домашние заботы – вовремя ли дала бонна микстуру детям, не прозевал ли пьянчужка-дворник молочника, приготовлено ли горничной платье на завтрашний выход?.. Вспомнилось и ей: «Все ли сложено в дорожный баул, что может пригодиться в поезде?»

Потолкавшись еще немного против течения, только чтоб убедиться, что не то что брата, своей собственной тени тут не высмотреть, Варвара решила:

«Вот есть сейчас время искать! – Она капризно закусила пухлую нижнюю губку. – Да и где теперь? Мало ли что взбредет в голову, где порядка не прибавилось и за год казарменной жизни?»

Гардемарин-то, по правде сказать, мальчишка совсем. Даром что у недавнего гимназиста на плечах уже год как черные погоны Отдельных гардемаринских классов, а впереди первое практическое плавание. Шмыгнул куда-то, должно быть, промеж смазных сапог и яловых, чтобы ввечеру, за чаем, быть всему самым достоверным свидетелем, размахивая сахарными щипцами и расплескивая чай на белую крахмальную скатерть.

– ... Я потом по Большой и на Исаакиев! Там народу! Все к германскому посольству ринулись, разнесли в щепы! Из окон повыкидывали все до железных рыцарей, народу латами покалечило – страх! Говорят, в одном из них посол прятался, как его, па?..

– Пургалес, – невозмутимо подсказывает патриарх семейства профессор Иванов, но, похоже, в рыжеватых усах и бородке прячется ироническая улыбка. – Однако, думаю, за прошедшую ночь он уже на полпути к Берлину.

– Конечно, па, – легко соглашается Васька, но тут же округляет глаза. – Говорят, он дважды спрашивал ночью Сазонова, намерен ли Государь остановить мобилизацию, а министр отвечал, что нет. А когда спросил в третий раз...

– Прокукарекал петух... – с серьезнейшей миной подсказала Варвара, но это ничуть не смутило рассказчика.

– Сазонов молча показал послу кукиш! – восторженно заключил он. – Тогда посол вручил ноту и, со словами: «Мой Августейший монарх, Его Величество Император, от имени своей империи принимает вызов и считает себя в состоянии войны с Россией» – разрыдался! Посол-то флот наш вблизи видал, понимает, чем это для них кончится...

– Вильгельм тоже видел наш флот. И не в подзорную трубу, – проворчал отец, промокнув усы салфеткой. – Не знаю, говорили ли они вам, но в седьмом году Государь во время визита кайзера даровал ему звание адмирала русского флота. И, как помнится, в ответном тосте новоиспеченный адмирал дал торжественное обещание Государю всеми силами содействовать в деле сохранения мира и оказывать всякую поддержку против любого, кто попытается помешать или разрушить его...

Закончил старший Иванов почти цитатой и даже полной цитатой: «Чему, я знаю, сочувствует немецкий народ».

– Так что посол как раз таки и есть тот самый народ, что сочувствует. Умнейший человек, между прочим, и всегда был сторонником союза Германии и России. Все не так просто...

– Да, папа, конечно, – с той же легкостью вновь согласился Васька, привыкший поддакивать отцовскому авторитету всегда и во всем, причем нередко путая философские сентенции с нравоучениями. Соответственно и вывод сделал довольно своеобразный: – То-то народ разошелся. Шкафы в окна летели! Бумаги, что перья из подушки!

Брови Васьки, вскочившие на лоб с восторженным удивлением, нарисовали на нем три отцовских бороздки вдоль выгоревших бровей – прямо фотография из далекого юношества ученого антрополога и этнографа на досуге Иванова. Тот же скульптурный лоб, пухлые, но твердо сжатые губы и... компрометирующие уши торчком. Да и глаза у Ивана Ивановича поддетски голубые, тогда как у отпрысков его отчего-то серые, будто на другое время смотреть приуроченные, – время цвета шинельного сукна.

– Глупость, однако, – вещает таким оракулом экстраординарный профессор. – Зачем здесь-то Помпеи устраивать? Скоро руин и так будет предостаточно. Хотя... – перебил он сам себя, и в прищуренном глазу блеснула насмешливая искорка. – Это их тевтонское идолище

на крыше такую тоску на площадь наводило, что на их фоне Николай Павлович – просто солнечный зайчик.

– Нет больше того «мальчика на водопое», – давясь горячим, с румяной корочкой пирожком, торопливо успокоил отца Василий.

Варвара прыснула.

Конная группа на крыше германского посольства и впрямь поразила в свое время петербуржцев чужеродностью – и, надо понимать, так и не была принята. Уж кого-кого, а «мальчика, ведущего лошадок на водопой», молодой тевтонец, угрюмый, как дух предков, напоминал меньше всего. Да и в тяжеловозах, которых он вел под уздцы, было что-то злое, откровенно демоническое...

Нет, рядом с античным изяществом петербургской традиции это похоронное шествие иначе, как «оптимистическим надгробием», и назвать нельзя было. И то, пожалуй, если с поэтическим снисхождением, на которое, впрочем, не был способен гардемарин, слишком долго обретавшийся в Дерябинских казармах. Он так попросту и назвал вечно юного тевтонского старца:

– Это уе... убожество, – поправился Василий, поперхнувшись под быстрым взглядом сестры. – Это чудище мужики захомутали и потянули с земли на «ура!». Как громыхнуло! Человек сто обломками... – чуть было не приврал Васька в силу привычки, но снова плеснул из чашки на скатерть и тотчас получил показного подзатыльника от единственного человека, которому дозволительно было увещевать этак запросто надежу российского флота, – от Глаши.

Что там случилось с сотней народа, на которых рухнули злые германские кони, осталось невыясненным, да уже никого и не интересовало. В коридоре раздался немелодичный звон дверного колокола, треснувшего, но не подлежавшего замене то ли как семейная реликвия, то ли как священная корабельная рында.

Вилка Варвары остановилась над ломтиком сыра.

Отец отчего-то нахмурился, не поднимая лица от тарелки.

И только Васька так извернулся на стуле, что едва не съехал с лакированного сиденья, провожая церемониальное шествие Глаши в прихожую...

Семья Ивановых была далеко не в сборе, поэтому всякий звонок в дверь мог быть прелюдией житейской драмы или комедии, чреват как долгожданной вестью, так и вовсе неожиданной. И поэтому сообщение Глаши: «Телеграмма!», донесшееся из коридора, только подстегнуло напряженное, но привычно скрываемое друг от друга ожидание.

Нетерпение прилично было одному только Васе, 17-летнему гардемарину, который один только и знал, чего ему ждать:

– Это мне!..

– Когда ехать?.. – не дождавшись, пока Василий дочитает серый бланк, пляшущий в его руках от нетерпения, спросил отец.

– А?.. На «Пущина». Эскадренный миноносец, вот здорово!.. – невпопад, мечтая уже «о подвигах, о доблестях, о славе...», ответил сын и спохватился. – Когда? Сейчас. Нет, не в смысле, что сейчас. Сейчас посчитаю...

Он с детской привычностью взглянул на костяшки кулака, должно быть, соображая 31-е число месяца.

– Ах ты, черт! Получается, что аж в октябре...

Варвара едва сумела спрятать в ладонь торжествующую улыбку: «Одна!»

Не придется сопровождать гардемарина к месту первого практического плавания, как бонна малыша на дачную пристань за руку.

Не доведется нянчиться с излишне взрослым и самостоятельным братцем, готовым как упасть в детство у газетного киоска на перроне случайной станции – попросту говоря, зазеваться, – так и задраться с армейским юнкером по вопросу очередности отдания чести.

Не придется и присматривать за его поведением на берегу и питанием, чтобы было что отвечать на неперменные расспросы отца и Глаши.

А к октябрю она уже и сама рассчитывала закончить свои традиционные крымские каникулы на даче дяди Леша.

«Дядя Леша». Это была еще одна здравствующая ветвь генеалогического древа Ивановых, коих и вообще-то было немало, поскольку кроме общепризнанного патриарха Ивана Ивановича имелся еще младший брат его, Алексей Иванович, пятидесяти лет. И его единственный сын Николай Алексеевич почитался больше чем двоюродным братом для Вадима, Василия и Варвары, а также Кирилла и Киры, которых сейчас также не было за столом.

Вот, кстати, Кира Иванова, почти ровесница Вари, большей частью и составляла тревогу, заставлявшую прочих, более «домашних», Ивановых вздрагивать от всякого звонка дверного колокольчика. Такой уж это был случай. Особый...

И это вновь заставило подвижное личико Вари сменить выражение. Теперь по нему пробежала легкая тень досады.

Нет, конечно же, как и Васю, она нежно любила сводную сестру, поскольку и знала ее почти столько же, сколько младшего брата: Кира в их семье появилась через год после рождения младшенького, но не розовым кружевным кулем в корзине, а удивительной пятилетней девочкой, казавшейся даже в европейском платьице какой-то японской куколкой из магазина «Маман Мажестик». И ощущение того, что «эта» Иванова какая-то не совсем «наша», не только не исчезло за годы, пока чудная «заграничная» куколка превратилась в чудесную, вот только экзотическую девицу, но и возросло.

И все больше казалось Вале, что сама Кира, вольно или нет, но прилагала к тому немало усилий. Кем она только не становилась за один лишь последний год? То апатичная декадентка, то злая революционерка, то вдруг «Наташа Ростова на первом балу», а то такое эмансипе, что даже дворник крестился вслед гермафродиту, марширующему в разношенных ботинках с папиросой в зубах...

Впрочем, все эти ее перемены можно было объяснить тем, что ко всему Кира воображала себя еще и поэтессой, через день несчастно влюбленной...

– Ужас... – чуть слышно вздохнула Варвара. – Такая выдумщица. И ведь верит в свои выдумки так истово, что позавидуешь...

От такой спутницы на все лето тоже неизвестно чего было ждать. Но, впрочем, тут уж с Вари всякая ответственность снималась безоговорочно. Разницы-то у них в годах – чуть. На старшинство особо не сошлешься.

«На преимущество более зрелого ума – тем более, – пожалала плечами Варвара перед невидимым оппонентом. – Захочу – тоже взбрыкну политическим памфлетом в стихах или затею роман с автогонщиком. Впрочем, чтоб не повторять Кирку, надо найти авиатора или яхтсмена. Ах ты, черт, у нее ж и то, и другое, да и третье в одном флаконе «Тройного». Придется остановиться на моряке. Уж этого-то добра в Севастополе...»

Как бы там ни было, перспективы на лето вырисовывались самые радужные. Война – конечно, но это только придаст внезапной свободе особой перечной остроты...

Васька даже не понял, за что это вдруг Варя любяще потрепала его по рыжеватой вихрастой макушке. Впрочем, быстро догадался: «Ну да. Это раньше перед поездкой в Севастополь она смотрела на него, как каторжанин на гирию ножных кандалов».

Но теперь на залог своей внезапной свободы Варвара смотрела умиленно, чтоб не сказать умильно.

– Ой, да ладно, – сердито покраснел Васька, будто прочитал на фамильном лбу Варвары: «Теперь воспитание беспутного гардемарина целиком ложится на плечи старшего брата, флотского лейтенанта Иванова Вадима Ивановича, и вообще всего Императорского флота. Все, братец Васька! Нянька умывает руки. Детство для тебя закончилось».

О чем, собственно, и сообщил лейтенант Иванов, старший артиллерийский офицер эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин», телеграфируя: «Подписал капитана прошение. Фролов не возражает⁴ отбыть практику на ЧФ. 1.10 6:30 быть борту «Пущина». Смогу встречу Севастополе. Телеграфируй. Опозоришь рея моментально. Всем кланяться. Вадим. Кирилла привет».

– Прочитай еще раз, – с придыханием попросила Варвара.

– Что? – буркнул гардемарин.

– То место, где про позорную рею...

– Да ну тебя!..

– Значит, уже через месяц... – забарабанил пальцами по скатерти Иванов старший.

– Через два месяца! – с отчаянием в голосе возразил самый младший из Ивановых. – Еще и занятия догонять придется по возвращении. Когда еще тот октябрь!

⁴ Судя по всему, капитан 1-го ранга Фролов – начальник Отдельных гардемаринских классов.

Глава 2

Столкновение

Морская хроника:

Перед заходом в Мессину на борт «Гебена» пришла радиограмма от Адмираль-штаба о возможном начале войны, затем, в ночь на 2 августа, приказ о введении боевой готовности и мобилизации.

В полдень 2 августа, когда «Гебен» и «Бреслау» уже находились в акватории порта Мессины, поступило сообщение, что в ближайшее время ожидается начало военных действий с Францией и Россией.

Ни австрийских, ни итальянских боевых кораблей в гавани Мессины не оказалось.

Из первых уст

Вильгельм фон Сушон вспоминает

...После короткого совещания с капитанами и штабом было решено самостоятельно выдвинуться к алжирскому побережью для предотвращения переброски французских войск на континент. Ожидать развертывания сил адмирала Гаусса можно было слишком долго. Нейтралитет Италии не стал для нас большой неожиданностью, хотя проволочки с разрешением на погрузку угля даже с наших собственных угольщиков, находящихся в порту, весьма раздражали.

Впрочем, к 19 часам – мы уже к тому времени доукомплектовали по штатам военного времени наши экипажи, сняв 350 моряков, прежде всего с «Генерала», – разрешение было получено, и к часу ночи удалось загрузить минимум угля, необходимый для выполнения задания и возвращения в Мессину.

Сообщение об официальном объявлении войны Франции, а также о том, что следует считаться с возможностью вступления в войну Англии, поступило в 18:00.

Ход эскадры 16 узлов, к 6:00 утра 4 августа – расчетный выход на позиции.

...Радиограмма из Адмираль-штаба с приказом безотлагательно идти в Константинополь поступила в 2 часа 35 минут, когда до расчетного выхода на точку развертывания оставалось не более часа. Мною было принято решение продолжить операцию и произвести обстрел, учитывая невысокие ходовые качества французских линкоров и их удаленное базирование.

...К Филиппвилю «Гебен» подошел под российским флагом и, не спуская его с гафеля, произвел бомбардировку портовых сооружений и транспортных судов в акватории, выпустив 43 снаряда главного калибра. «Бреслау» обстрелял порт Бон, израсходовав 60 150-мм снарядов.

Последующие сообщения показали, что начало отправки 19-го корпуса началось только через трое суток и перевозки происходили медленнее намеченного в силу нехватки транспорта и строгих мер предосторожности, принятых французами.

Указав демонстрационным маневром вблизи Алжирского побережья движение на юго-запад к Гибралтару, в открытом море наше соединение развернулось на северо-восток и возвратилось в Мессину для дозагрузки углем...

Комментарий

В каждой войне бывают ситуации, когда весь ход последующих событий мог измениться из-за нескольких действий какой-то из сторон. Наверняка контр-адмиралу Милну, командующему английским флотом Средиземного моря, и уж, вне всякого сомнения, Уинстону Чер-

чиллю, первому лорду Адмиралтейства, много-много раз вспоминалось утро 4 августа 1914 года.

Тогда в 10 часов 15 минут на встречном курсе с «Гебеном» и «Бреслау» явились из тумана линейные крейсера «Индефатигебл» и «Индомитейбл», а сравнительно недалеко пенила на всех парах французская эскадра – одна из трех, посланных адмиралом Лапайером из Тулона на поиск немецких крейсеров.

...Если бы британским крейсерам, к которым сразу после разворота и выхода на параллельный курс чуть позади немцев присоединился еще и легкий крейсер «Дублин», не был отдан приказ воздерживаться от боя до истечения срока действия британского ультиматума Германии, то есть до полуночи...

...Если бы не сочли на британских «властелинах морей» излишним извещать союзников-французов, к тому времени уже отнюдь не сдержанных дипломатическими играми, о местонахождении врага...

Историки злословят:

К полудню 4 августа 1914 г. командир линейного крейсера «Индомитейбл» каперанг Кеннеди доложил о ситуации командующему Средиземноморской эскадрой адмиралу Беркли Милну. Тогда же Милн составил и послал в Адмиралтейство проект приказа о «задержании» немецких крейсеров. Но приказ так и не был утвержден на Даунинг-стрит, поскольку срок ультиматума еще не истек.

Принц Луи Баттенбергский, французский посланник, пригласил к себе Черчилля и указал, что до темноты еще есть время пустить на дно крейсера Сушона. На это багровый от ярости Черчилль ответил, что реплика не к нему, а к сэру Эдварду Грею, который до сих пор никак не может объявить войну кайзеру Вильгельму...

Интересно, какие чувства испытывал сэр Уинстон, когда вспоминал, скажем, в разгар Битвы за Атлантику, едва не поставившей Англию на колени в разгар Второй мировой, что на борту «Гебена» тогда замерли на боевых постах готовые сражаться и умереть и наверняка бы не выжили в неравном бою лейтенанты Дениц и Карле?

Те самые, которые потом станут: первый – гросс-адмиралом, командующим подводным флотом, автором тактики «волчьих стай», ужаса морей, и затем последним канцлером Третьего рейха, а второй – его соперником и преемником в Кригсмарине, генерал-адмиралом?

...В реальности же на «Гебене», открыв запасные угольные ямы и мобилизовав часть экипажа в помощь кочегарам, удалось поднять пары так, что линейный крейсер развил скорость 23, а ненадолго – и 24 узла, и англичане начали отставать. К 17 часам «Гебен» и «Бреслау» скрылись из виду, только черный дым указывал направление, но затем и он исчез...

МИД России. Кабинетные разговоры. 1914 г.

– Не могу не признать, что этот сукин сын Сушон дал фору хваленым британцам, – бросил Садовский, еще раз перебирая ворох расшифровок, телеграмм, радиogramм и донесений от российской агентуры в Сицилии, в Архипелаге и в самом Константинополе.

– О вашем же ведомстве деликатно помолчим, – отозвался Алексей Иванович и отодвинулся от обширного стола с тремя рогатыми телефонными аппаратами. – Никак не могу представить себе, чтобы некий наш командир проигнорировал подряд три прямых адмиралтейских предписания, поскольку счел иное политически более целесообразным.

За этой несколько витиеватой фразой скрывались раздражение и усталость человека, вот уже неделю пытающегося хоть что-то изменить в стремительном потоке событий, неизменно развивающихся от плохого к худшему. Тот же «сукин сын» проявил не столько понятное тевтонское упорство, но изворотливость, дипломатические способности и редкое политическое чутье.

Буровцев только что зачитывал рапорт своего агента в Мессине о том, как бравые итальянцы напоили капитана английского угольщика и загрузили до отказа ямы левого борта. А к правому борту «Гебена» в это время одна за другой подходили баржи, подвозящие уголь с «Генералю» – немецкого невоенного корабля, который, формально не нарушая нейтралитета Италии, накануне доверху загрузил свои трюмы с портовых складов.

Полиглот Венцель пересказал жалобу мессинской портовой администрации, что «синьор немецкий адмирал» в ответ на законное требование покинуть порт нейтральной страны по истечении 24 часов заявил, что отсчет времени начинается не со швартовки, а с момента уведомления, – и загрузка продолжалась.

Наблюдатель в Калабрии сообщил, что «Гебен» и «Бреслау» прошли на восток по территориальным водам Италии, что допускалось в исключительных случаях Морской конвенцией.

Адмирал же Мильн, как следовало из радиоперехвата, не решился нарушить запрет британского Адмиралтейства и не ввел свои линейные крейсера в Мессинский пролив, «дабы не раздражать Италию, только что официально заявившую о своем нейтралитете».

Британскому командующему только оставалось уповать, что эскадра контр-адмирала Трубриджа – четыре броненосных крейсера и восемь эсминцев, перекрывающих вход в Адриатику, – перехватит и остановит немцев.

Резидентура в Поле сообщала, что австрийский флот – 28 боевых кораблей! – больше суток согласовывал с Веней выход в море для поддержки «Гебена» и «Бреслау» и только утром 7 августа отправился на юг. Но дошел только до 44-й широты, когда узнал, что Сушон ведет корабли не в Адриатику, как предписывал Адмираль-штаб, а на восток, к Дарданеллам.

– ...Я не моряк, а шпион, – пожаловался ротмистр. – Но мне кажется, что никто больше никого не удержит. Мир сорвался с цепей...

– Если эти «цепи» в самом деле существовали... – бросил Алексей Иванович. – Но сейчас и в самом деле все сдвинулось в наихудшем варианте. Для всех сторон. И люди переменились...

Морская хроника

Контр-адмирал Трубридж к утру 8 августа отказался от преследования «Гебена» и «Бреслау», идущих на юго-восток, так как основной задачей его соединения было блокирование входа в Адриатическое море.

Дополнительным фактором адмиральского решения было отчетливое понимание, что в дневном бою, в условиях хорошей видимости, не подпуская эскадру на дистанцию ее эффективного огня, залпами своих 280-мм орудий с дальностью стрельбы свыше 100 кабельтовых «Гебен» потопит одного за другим все четыре его крейсера.

Реакция сослуживцев на решение Трубриджа

Контр-адмирал Крэдок – Трубриджу:

«...Инцидент полагаю крайне неудовлетворительным. По отношению Адмиралтейства к уходу “Гебена” ясно, что если я сам со своей значительно более слабой эскадрой встречу крейсерское соединение адмирала Шпее, то почту долгом своим вступить с ними в сражение независимо от того, будут ли у него при этом шансы на успех...»

Именно это и произошло немногим позже в сражении при порте Коронель у побережья Чили.

Комментарий

События августа 1914 года в самом деле складывались так, будто некая сила стремилась превратить войну во всеобщую, мировую и очень кровопролитную. Чего стоит лишь эпизод, когда некий чрезмерно пунктуальный клерк в британском Адмиралтействе, обнаружив подго-

товленную шифрограмму приказа о начале военных действий против Австро-Венгрии, тут же осуществил ее рассылку, к вящему ужасу и возмущению Уинстона Черчилля, Эдварда Грея и прочего высшего руководства, отнюдь не стремившегося к такому повороту событий.

Шифрограмма была дезавуирована, но успела вызвать серьезное замешательство на суше и на море. Конфликт с Австро-Венгрией стремительно достигал точки кипения – и вскоре война была все-таки объявлена.

К тому же разряду событий следует отнести и решение Турции «купить» у Германии «Гебен» и «Бреслау» как бы взамен конфискованных Англией двух достраиваемых там по заказу Порты линкоров.

Заказанных, кстати, на деньги, собранные по подписке у весьма небогатого в те времена населения Османской империи.

Германские крейсера получили новые имена – «Явуз Селим султан» и «Мидилли» соответственно, а Вильгельм фон Сушон, проявивший столько воли и настойчивости во втягивании Турции в союз с Германией, был назначен командующим турецким военно-морским флотом. Часть немецких офицеров была назначена на командные должности на турецких кораблях (командира «Гебена», каперанга Аккермана, даже стали называть Ахмедом), а турецкие офицеры влились в состав экипажей «Явуза» и «Мидилли».

Особых проблем у немцев это не вызвало, зато весьма положительно сказалось на боеготовности турецких военно-морских сил.

Злые языки утверждают, что Султан Абдул-Гамид боялся, что стоит флоту скрыться с его глаз – и он тут же взбунтуется. И много лет султан держал свой достаточно многочисленный флот на якорной стоянке у Константинополя.

Внешне корабли всегда содержались в порядке и блистали свежей краской, но десятилетия практически полного бездействия не прошли для флота даром. Корабли прогнили, офицеры и матросы пали духом, так что боеготовность остатков военного флота, еще сохранившихся в Турции к 1914 году, была весьма низкой, несмотря даже на несколько лет работы британской военно-морской миссии.

Немцы, исправляя ситуацию, назначили своих офицеров командирами турецких кораблей или советниками к наиболее компетентным турецким офицерам. Подобные меры вкупе с присущими туркам от природы боевыми качествами – когда им не мешали прихоти султана – сделали турецкий флот реальной силой.

Произошло это достаточно быстро и поэтому стало в известной мере неожиданностью для командования российского Черноморского флота.

Морская хроника. 8—10 августа 1914 г.

В тот день мощная крейсерская эскадра под флагом адмирала Беркли Мильна преследовала немцев и имела реальные шансы перехватить «Гебен», у которого отказали три (из 24) котла и скорость упала до 18 узлов. Но поступила шифрограмма о начале военных действий против Австрии, и эскадра в соответствии с довоенным стратегическим планом повернула к Мальте – пункту сосредоточения Средиземноморского флота.

В полдень 9 августа поступила радиограмма, что предыдущее сообщение дезавуируется, Англия еще не находится в состоянии войны с Австрией и погоню за «Гебеном» следует возобновить.

10 августа эскадра Мильна вошла в Эгейское море. До «Гебена» и «Бреслау», загружавших уголь у острова Денуза, было не более 100 миль, но противники не знали о местонахождении друг друга.

Адмирал Мильн принял решение крейсировать между мысом Маллей и островом Милос из опасения, что неугомонный Вильгельм фон Сушон предпримет новую попытку прорыва

в Адриатику, на соединение с австрийцами, или еще хуже: атакует Александрию и жизненно важный для Британской империи Суэцкий канал.

10 августа «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы.

Глава 3

На западном и восточном берегах

Морская хроника

С разрешения Вильгельма II Вильгельм фон Сушон получил чин вице-адмирала германского и турецкого флотов, все германские офицеры и унтер-офицеры были повышены на ранг, в Турцию затребованы 500 офицеров и 1000 унтер-офицеров различных морских специальностей из Германии.

12 августа в полдень глава турецкого правительства великий визирь Саид Халим-паша собрал дипломатический корпус и объявил, что заказанные в Германии военные суда – линейный крейсер «Явуз Селим султан» и крейсер «Мидиллие», – благополучно прибыли в Турцию и вошли в состав флота. На этих судах подняты турецкие флаги, а эскадрой командует вице-адмирал Сушон-паша.

В гавани Золотой Рог прошел парад эскадры, во главе которой шел линейный крейсер «Явуз Селим султан», после чего на борт корабля поднялся султан Мехмед V. Его величеству представили команду, переодетую в турецкую военно-морскую форму.

Штаб флота. Копия – МИД, статскому советнику А. И. Иванову:

...Обращаем ваше внимание, что 12 с.м. (октября) Диван объявил о постановке минных заграждений в Босфоре и Дарданеллах, прекращении работы маяков и новом порядке прохождения коммерческих пароходов: только по специальному разрешению и проводке лоцманскими судами Турции. На лин. кр. «Гебен» – «Явуз Селим султан» прибыла из Гамбурга бригада котельщиков, ускоренными темпами производится ремонт.

«Колхида»⁵.

Октябрь 1914 г.

Он наступил быстрее, чем думалось.

Сводки с фронтов подгоняли дни немymi окриками газетных заголовков и воплями мальчишек-разносчиков: «Король Альберт обратился за помощью к странам – гарантам бельгийского нейтралитета!», «Кайзер заменил Мольтке Фалькенгайном!», «Постановление Совета министров “Об именовании Санкт-Петербургских правительственных, сословных и общественных заведений Петроградскими”», «Французы вернули Эльзас, отобранный у них Германией в 1871!», «Французская армия оставила Эльзас!», «Галлиени перекинул на фронт целую пехотную бригаду на таксомоторах!», «Гласный городской думы Раевский предложил именовать Петроград как “Свято-Петроград”», «До взятия Кенигсберга генералом Ранненкампом остались считанные часы!», «Ранненкамф – предатель! Генерал Самсонов застрелился! Вторая армия погибла в Мазурских болотах!», «Взят Львов! Возвращена Карпатская Русь!», «Британский экспедиционный корпус потерпел поражение у Монса», «Наступление немцев на Варшаву!», «Немцы отброшены от Варшавы!»...

Севастополь. Октябрь 14-го

Севастополь.

Он и во всякое иное время город воинственный. Но воинственность его не угрюма и злобна, а веселая какая-то, парадная. Наверное, оттого, что много в ней солнца, блистающего

⁵ Почтовый пароход «Колхида» – Константинопольский стационар военно-морской разведки ЧФ.

на духовой меди оркестров и просвечивающего розовым крыльях чаек, много в ней белизны мундиров, матросских рубашек и рюшей, рвущихся с подолов летнего платья; китайскими фонариками кажутся сигнальные флажки на реях кораблей, видные в самом захламленном портовом переулке...

Даже известная чопорность адмиралтейского города все как будто накануне парада и легко разрушается задорным лаем корабельной шавки, увязавшейся за сухопутным генералом по наущению чубатых усачей экипажа.

Вот они топчут сапогами по булыжнику мостовой и с нарочито серьезными минами горланят «Варяга», но мичман их ухмыляется самым беспардонным образом. Это не сухопутный, это их город. И это для них тут прячут какие-то тайны за летними зонтиками вездесущие севастопольские барышни, которые встречаются тут везде – и в тени дачной двуколки, из которой они с южным легкомыслием улыбаются на невольное «равнение» матросов, и на палубе грозного броненосца они с простодушным любопытством заглядывают в жерло пушки. И на базаре, где они со знанием дела тычут струганой палочкой янтарный «плачущий» балык...

Оттуда, с Базарной площади, только что прибыл переполненный трамвай, и из него вырвался, пробился сквозь крикливую сутолоку отставной марсовый Осип Карпенко. С изяществом статуэтки, подбоченившись и придерживая на плече корзину, заложенную мокрой тряпичей, Осип двинул через Екатерининскую площадь.

Впрочем, для «гречанки с кувшином» походка его бросается в глаза нетрезвой, преувеличенной самоуверенностью.

Следом за ним перебежать на остановку Артиллерийской линии, едва не вприпрыжку, поспешает, волоча под мышкой фунтового осетра, выпускник Одесского коммерческого училища Михаил Василиадис. И вот он уже, действительно, похож на терракотовую античную фигурку «мальчик, досаждающий Гераклу», если таковым считать матроса Карпенко. Тот и впрямь коренаст, но приземист, как будто не уместился в полный рост на расписном боку древнегреческого сосуда. Впрочем, хоть мышцы его в дряблой просоленной шкуре порядком обвисли, курчавая борода местами седа сделалась, но взгляд из-под косматых бровей по-прежнему грозен, несмотря на то что...

– Як це не страшно? Ще як страшно... – нехотя признается он, выборочно отвечая на град Мишкиных вопросов. – Дурню только не страшно. И страшно бывает.

– Тю! И кого ж ты боишься? – слегка оторопел подросток, привыкший уже как-то к бравадной риторике флотских...

Риторике, несколько поутихшей было после августовских разочарований, но с новой силой вспыхнувшей ввиду блистательных наших побед в Галиции. И теперь тем более воинственной. Теперь Севастополь знал, что милостивые боги войны и на его долю отмерили пороха, а то...

А то уж, казалось, придется растрачивать нервы на ругань газет и бессильные «стратегии» в ресторанах и кабаках, завидуя балтийским товарищам. Теперь и у требующих славы бастионов 1854 года, у причалов, встречавших героев Чесмы и Синопа, еще скрытый синим морским горизонтом, но появился подлинный враг.

Грозный и опасный по-настоящему.

Германский линейный крейсер «Гебен», вдруг превративший турецкий флот, о котором и говорить-то было неприлично, в ту самую «вражью силу», с которой не зазорно и помериться...

МИД. Статскому советнику А. И. Иванову

Ваше превосходительство, считаю своим долгом уведомить, что на переговорах между Диваном, дипломатами и представителями германского командования достигнута предва-

рительная договоренность об окончательной поддержке Стамбулом действий Тройственного союза в обмен на предоставление финансовой и военной помощи.

Венцель.

Комментарий-справка

Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) сложился в 1879–1882 гг. Главным организатором являлась Германская империя, заключившая в 1879 г. военный союз с Австро-Венгрией, после чего к ним присоединилось Королевство Италия. 20 мая 1882 г. Германия, Австро-Венгрия и Италия подписали секретный договор о Тройственном союзе. Они взяли обязательства сроком на 5 лет не принимать участия ни в каких союзах или соглашениях, направленных против одной из этих стран, консультироваться по вопросам политического и экономического характера и оказывать взаимную поддержку. Германия и Австро-Венгрия обязались оказать Италии помощь в случае, если она «без прямого вызова с ее стороны подверглась бы нападению Франции». Италия должна была сделать то же самое в случае неспровоцированного нападения Франции на Германию. Австро-Венгрии отводилась роль резерва на случай вступления в войну России.

Новые союзники приняли к сведению заявление Италии о том, что если одной из держав, напавших на ее партнеров, будет Британская империя, то Италия военную помощь им не окажет – Италия опасалась вступать в конфликт с Великобританией.

Стороны обязались в случае общего участия в войне не заключать сепаратного мира и держать договор о Тройственном союзе в тайне.

Договор возобновлялся в 1887 и 1891 годах (при этом вносились дополнения и уточнения) и продлевался в 1902 и 1912 годах.

В ответ на создание Тройственного союза («тайное» быстро стало явным) в 1891–1893 гг. оформился франко-российский союз. В 1904 г. было заключено англо-французское, а в 1907 г. – англо-российское соглашение. Так образовалась Антанта.

С конца XIX века Италия, терпевшая убытки от таможенной войны, которую вела против нее Франция, начала менять политический курс. В 1902 г. она заключила с Францией соглашение, обязавшись соблюдать нейтралитет в случае нападения Германии на Францию. А после заключения в 1915 г. секретного (в то время) Лондонского пакта Италия в мае того же года вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты, и тем самым Тройственный союз распался. Но Болгарское царство и Османская империя тогда же присоединились к Германии и Австро-Венгрии, образовав Четвертной союз.

– ...«Гебена», что ли, боишься? – усомнился Мишка и даже поотстал, мазнув красным хвостом осетра по булыжникам мостовой.

Несмотря на серьезные гримасы молодых офицеров, обсуждавших в отцовской лавке явление на Черном море новейших немецких кораблей, Мишке все как-то думалось, что эта серьезность их показная. Не более чем попытка набить цену своим кителям, ни разу не штопанным от снарядных осколков и даже не облитым фонтаном близкого разрыва.

«Что там, в самом деле, бояться двух кораблей, пусть даже у них орудийных башен будет в три этажа? Наших-то вон сколько скрежещет бронированными бортами друг о дружку, полные бухты...»

Но бывший марсовый не только не разочаровал, но вновь очаровал своего верного оруженосца.

– Та не, «Гебена» не боюсь, – проворчал он, по-украински размазав «Г», отчего немецкое имя превратилось чуть ли не в ругательство.

– А кого ж тогда? – подхватил Мишка осклизлую рыбину, уже растягивая рот в предвкушении своеобразной гоголевской остроты матроса.

– А от його... – ткнул Карпенко большим пальцем через свободное плечо, должно быть, указывая на бронзовую фигуру адмирала Нахимова. – А ну як скаже: «Ты чего это, сукин сын, тут равликів⁶ каких-то, прости Господи, жрэш, когда Россию защищать надо?»

Местами даже Михаил Василиади, грек и плоть от плоти южнорусских губерний, не совсем понимал смешанной речи Карпенко, хоть в Одессе, где до недавнего времени учился, слышал украинский на каждом шагу, да и тут не в диковину...

Но в этот раз понял: «Если что, легендарный адмирал крепко осерчает на нынешних севастопольцев. Вот только за что именно?..»

– Кого, кого ты тут жрешь? – уточнил Мишка, впрочем, уже догадливо покосившись на корзину, которую матрос с дробью кастаньет установил между сапог.

Черный базарный глянец уже выцвел на скорлупах мидий, порыжевших от коросты более мелких собратьев. Ресторанный изыск для тамбовских дворян и привычное меню портовых босяков так и не приняли ни душа, ни желудок потомка запорожских казаков.

– Та ось цю гидоту... – облизнул сухие, брезгливо искривленные губы Карпенко, вновь обернувшись на статую адмирала и, верно, припоминая роскошные торжества 1898 года. Тогда «к открытию Павла Степановича» нижним чинам с нашивкой выдали аж по три целковых и в каждой палатке под флотскими вымпелами бесплатно наливали морсу, а где и рейнского всего за полушку.

– Много ты понимаешь. Сейчас возле «Кирса»⁷ обольешь корзину из колонки и еще молиться на них станешь, – с важностью законченного коммерческого образования принялся наставлять матроса Мишка. – Их тамошний повар Джером полный передник берет за гривеник.

– И вот интересно мне, це ж скгльки влюе в подол цього Жерома? – въедливо уточнил практичный хохол, впрочем, в глазах его, напоенных похмельной тоской, вновь засветилась надежда.

Тогда как будущий коммерсант вдруг обнаружил досадную прореху в образовании.

– Ну... – затанул он, пытаясь свести в уме британский баррель с английской же упитанностью, определяющей размер поварского фартука Джерома, но не успел...

Лицо его вдруг застыло, словно маска древнегреческого актера, в гримасе крайнего удивления.

Едва не заглушая электрическую трель звонка, за спиной Мишки раздался такой залихватский свист, что их с Осипом базарная попутчица, склочная толстая тетка в пестрядине, выронила такой же пестроты несущку.

Нельзя было, конечно, за просто так удивить свистом город матросов и портовых грузчиков, но в этом был такой особенный перелив... – Мишкино лицо озарила улыбка узнавания, – услышь который за пределами Васильевского острова в Петербурге, всякий «черный гардемарин» тут же выпустил бы из шлевок форменный ремень, готовясь лететь бить юнкеров, спасти своих...

Морская хроника. 28 сентября

Командир «Колхиды», Константинопольского стационара, сообщает о выходе «Гебена» в сопровождении трех эсминцев в Черное море.

По приказу адмирала Эбергарда основные силы флота выведены из Севастопольской бухты и на крейсерском ходу направлены к Босфору.

Сигнально-телеграфное отделение, Херсонес

⁶ Улиток (укр.).

⁷ Одна из лучших гостиниц того времени во всей России, ныне административное здание ЧФ РФ.

Радиоперехват 28 сентября

С неопознанной радиостанции передано на немецком языке, шифр 8/2, сообщение о выходе и направлении движения эскадры русского флота, с перечислением названий броненосцев и крейсеров.

28 сентября. «Колхида» – штабу

Весьма срочно

По сообщению с парохода «Борей», соединение во главе с «Гебеном» под адмиральским флагом совершило разворот «все вдруг» и взяло курс на Константинополь.

Морская хроника. 28 сентября

Эскадра во главе с флаг-броненосцем «Святой Евстафий» изменила курс на зюйд-вест, вышла к Зунгулдаку, затем вдоль побережья к Босфору, не заходя в турецкие территориальные воды.

С наступлением темноты эскадра возвратилась в Севастополь.

– Тезка! Мишка, стой! Не уходи! Стоп машина! – полошился на «круговой», на открытой площадке переполненного трамвая «черный гардемарин» Василий Иванов. – Тезка!

«Тезка», Михаил Василиади, обернулся уже с совершенно другой маской на лице – мимом недоверчивого счастья и самого зубастого восторга, правда, с прорехой на самом видном месте.

И впрямь, сотоварищ всех мыслимых и немыслимых безобразий его детства, друг и враг юношеского соперничества, наперсник возмужания...

Одним словом, Васька-«Варяг» ехал со стороны вокзала и едва не вываливался за фанерный борт трамвайной кормы.

Варвара Иванова, пытавшаяся изображать демократическое хладнокровие в давке 3-го класса, даже подумала: «Не дать ли по старинке подзатыльника братцу?..» Уж больно по-детски тот скакал по чужому вокзальному багажу. Но в последнее мгновение чуткая воспитательница, представив, как будет смотреться съехавшая на веснушчатый нос фуражка с золотым якорьком почти офицерской кокарды, передумала.

– Давай уже, в таком разе... – зашипела она, потянув братца за рукав шинели на выход. – А то, не ровен час, трамвай опрокинешь.

– ...Осип, как я рада, что мы тебя повстречали! – Варя присела возле корзины, безбоязненно распустив подол теплой юбки по пыльным бульжникам мостовой. – Сделай милость, Осип, одолжи мне свои уши, – бормотала она, двумя пальцами приподнимая мокрую тряпицу.

– Да на что вам мои уши? – несколько опешил марсовый Карпенко, проверив на всякий случай затребованное.

По крайней мере то, что было с серебряной серьгой, хоть и дряблое, как жухлый капустный лист, все ж оставалось на месте.

– А у меня свои уже вянут, честное слово, – с притворным вздохом пояснила Варя. – Кирка хитрая, мигренью отнекалась, а Вадим в походе, так я сама встречаю. И всю дорогу, как встретила его на вокзале, пытается меня гардемарин, как-де Севастополь к осаде готовится. Бог весть, отчего он вздумал, что немцы вот-вот должны высадиться тут, как французы с англичанами в пятидесятых. Должно быть, в Питере такие сказки ходят. Подавай ему бастионы да баррикады на улицах. Ты уж объясни ему, Осип, отчего у нас бонные заграждения промеж брекватеров не выставлены, а то я даже не уверена, что он меня не обругал такими словами. Что это у тебя здесь, ракушки? – спросила она с северным умиленным ударением, вызывавшим снисходительные ухмылки южан.

– Гады, – уточнил хохол, впрочем, без тени улыбки, даже угрюмо. Услужить сестре лейтенанта Иванова он хоть и считал своим долгом, но отсрочка утреннего благословения в ренском погребке удручала. – Истинно гады морские. Когда обождете минуту, барышня, то я их зараз в полуштоф обращу и стану под вашу команду.

– А трезвый ли ты будешь, Осип? – недоверчиво глянула Варвара на отставного матроса снизу вверх. – Через целую минуту-то?

– Як чіп, – малопонятно как-то зарекся Карпенко, но даже изъявил готовность крест наложить неловким движением, мол: «как Бог свят!» – До того ж у Василя Иваныча есть теперь с кого спросить за брехватер, – добавил он скороговоркой, подхватывая на плечо корзину.

– И впрямь... – обернулась через плечо Варвара.

Всегда на каникулы – чуть ли не с первого класса – вчерашние мальчишки и теперешние юноши съезжались в Севастополь. Один из Петербурга, другой из Одессы. И потому как-то не до конца местные: один вовсе дачник, другой хоть и из здешних греков, но «эвон куда махнул!», держались друг друга, нередко отбиваясь, спина к спине, от портовых босяков, и вместе лазали через забор к тринадцатилетней девице Самойловой держать отчет о прочитанных книгах...

Одним словом, если уж было искать где Ваську, то не иначе как в лавке Василиади, а если пропал Мишка, то непременно на даче Ивановых.

Сейчас же «молодые люди», позабыв присущую их пониманию возраста солидность, пихались и толкались на трамвайной остановке, как дети, свезенные родителями на дачу. Форменные фуражки – гардемаринская с золотым якорьком и коммерческого училища с серебряными листочками дуба – хлопали по спинам.

Ежась в шерстяном английском костюме, Варвара покачала головой.

Куда как снисходительнее смотрела на молодых людей с афиши знаменитейшая певица России мадам Вяльцева, приподняв надо лбом тонкими пальцами не менее известный вал волос, переплетенный жемчугами. Сегодня, 29 октября, в Морском собрании, а после и в летней эстраде для самой широкой публики бесплатно и, надо понимать, для поддержания патриотического духа состоится бенефис, публика услышит...

Ни великолепная Анастасия, ни Варя, да и никто здесь на Екатерининской площади не знали еще того, что знал уже дядя Варвары.

Петроград. Дворцовая площадь

Министерство иностранных дел

Алексей Иванович пошевелил пухлыми губами, будто перечел донесение, впрочем, глядя в бумагу невидящим взглядом: «По достоверным сведениям, Турция решила 28 октября немедленно объявлять войну России».

Это сообщал Гривс, русский посол в Константинополе, министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову, а тот, в свою очередь, прежде чем составить радио командирующему Черноморским флотом, счел нужным зайти к Алексею Ивановичу.

– Что я и говорил, шахматная неторопливость турок в переговорах не есть даже их обычная тороватость или дипломатические ухищрения, а только следствие расстроенного бюрократического аппарата Турции, – заключил тот, педантично заправляя гербовую бумагу обратно в конверт. – Пока Халил⁸ в Берлине все еще терзается, не продешевила ли Турция с обещанием вступить в войну... Заметьте, с обещанием только! – раздраженно подчеркнул статский советник. – Они и после объявления войны еще год верблюдов запрягали бы!.. Адмирал фон Сушон уже уговорил Энвера-пашу⁹ поручить ему оперативное управление флотом, де, только

⁸ Министр иностранных дел Турции.

⁹ Военный министр Турции.

чтоб научить нехристей немецким командам, а сам незамедлительно выходит в море. Нет, в этом их пыльном «диване» совершенно не с кем договариваться, не на кого положиться. Даже в триумвирате пашей, как в трех соснах, заблудишься...

– Странно, что они сразу же против нас не выступили, как только «Гебен» и «Бреслау» подняли турецкие флаги, – ворчит Сазонов, стуча указательным пальцем по доске подоконника, будто уже диктуя в Севастополь радиogramму.

За окном вечерние сумерки, и без того скорые и мимолетные, сгущает пелена мороси, сыплющаяся словно из сита в руках каких-то жутких чухонских ведм, бредущих по серым тучам. Как-то пытается остановить их знаменем креста ангел с девичьим ликом на вершине Александрийского столпа, но он так одинок против этого злобного воинства, крылья его почернели от воды и как будто даже поникли...

– И выступили бы, если б вовремя получили от рейхсканцлера обещанное золото, – отвлекает министра Алексей Иванович, не преминув напомнить о заслугах «поваров» со своей кухни. – А то, знаешь, до кораблей да пушек тамошним дельцам и дела особого нет, а вот заем в два миллиона лир¹⁰ для казнокрадов султанских, что бочка с медом. За нее они и мать свою османскую...

– Да помню, помню, друг Алексей Иванович, о твоих ловкачах, – нетерпеливо отмахивается Сазонов, привычно сунув руки в мелкие карманы брюк английского покроя. – И дай Бог, чтоб, по турецкому обыкновению, от той бочки до военных нужд только и дошло, что на стенках останется.

– Ну, таковое бортничество и на Руси – старинный промысел, – фыркнул статский советник. – Что будешь в Севастополь телеграфировать? А то у меня там племянницы обе, да Васька как раз в первый поход собрался? – добавил он, поддакнув собственным мыслям.

– Ну... – пожал покатыми плечами Сергей Дмитриевич. – Мальца ты уже не убережешь, да и не уговоришь, поди, сменить всамделишный боевой поход на балтийские оборонительные эволюции.

Алексей Иванович польщенно пригладил в усах улыбку.

Рвением своего племянника, любимца, до защиты Отечества он гордился не всегда втайне. Мало кто в департаменте не был наслышан. О сыне Николае, гвардии капитане, уже успевшем отличиться в первых боях в Померании, советник распространялся меньше.

– Да и девиц своих ты уж лучше там, на югах, придержи. Болтают, правда, много о десанте в Крыму, да я не верю, – отмахнулся Сазонов от кого-то невидимого за окном. – Самих немцев в Малой Азии почитай что нет, а турки больше на Кавказ зарятся. Так что в сравнении с Питером, который теперь весь в вонючих обмотках, девицам твоим там и покойнее будет, а то и сытнее. Нынче, знаешь, черепаши супы из Франции больно стылые доезжают – все пути военными грузами забиты... А что писать буду... – будто снова вспомнил министр и задумчиво потеревил закрученный кончик усов. – Писать буду как есть: «Ввиду непрекращающихся слухов о предстоящем выходе “Гебена” и “Бреслау” в море, слухов, решительно опровергаемых членами турецкого правительства, полагал бы своевременным принятие необходимых к защите побережья мер, минирование портов и прочее».

Севастополь. Екатерининская площадь

После ревнивого любования сродни строевому смотру, завистливой критики и хвастливых заверений в личной скромности (как то: отсутствие, например, георгиевских лент на бескозырке, как у всех моряков ЧФ, и потому повседневная бескозырка, наверное, так и останется в чемодане, зато в наличии черной шинели с иголки, которая уже на плечах, не говоря уже, что вот таких черных погон с белыми кантами весь Питер страшится, и их, черт возьми,

¹⁰ А тамошняя лира, как ни странно, была на тот момент равна 8,50 руб. золотом.

придется еще на бушлат пришивать, а сукно, знаешь, какое толстенное, тогда как даже боцманам везет – им погоны на бушлат не дозволено) Мишка вдруг посреди сбивчивого разговора посуровел и умолк, будто вспомнил что-то. Посмотрел на приятеля взглядом пристальным и оценивающим, на что Василий так широко расплылся в догадливой улыбке, что даже уши шевельнулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.